

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 20

1983

Джон Бойнтон ПРИСТЛИ

ГЕНДЕЛЬ И ГАНГСТЕРЫ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

Джон Бойнтон ПРИСТЛИ

ГЕНДЕЛЬ И ГАНГСТЕРЫ

*Перевел с английского
Виктор АШКЕНАЗИ*

Джон Бойнтон ПРИСТЛИ

Выдающийся английский писатель Джон Бойнтон Пристли родился 13 сентября 1894 года в Брэдфорде в семье учителя. С шестнадцати лет он начал писать статьи для лондонских и провинциальных газет. Во время первой мировой войны служил в пехоте. После войны Пристли изучает английскую литературу, новую историю и политические науки в Кембриджском университете. По окончании университета некоторое время занимается чтением лекций, а в 1922 году переезжает в Лондон и становится профессиональным литератором: сотрудничает в издательстве «Бодли Хед», много пишет для газет и журналов, выпускает одну за другой несколько книг об английской литературе. В 1929 году, когда он уже был автором почти двадцати книг, увидел свет его первый большой роман — «Добрые товарищи», а три года спустя и первая пьеса — «Опасный поворот». Эти произведения принесли Пристли настоящую славу («Опасный поворот», в частности, с триумфом обошел почти все крупные сцены мира). В течение следующих пятидесяти лет из-под его пера почти непрерывно выходят новые романы, повести, пьесы, сценарии (даже оперное либретто!), многочисленные эссе, книги о литературе и театре, исторические исследования, научно-философские труды, социологические очерки, биографии, автобиографии, мемуары и путевые заметки, не говоря уже о множестве предисловий и сотнях статей и рецензий, опубликованных в периодических изданиях Англии и других стран. Кроме того, Пристли написал около трех десятков рассказов, составивших два сборника: «Наверх» (1950) и «Другое место» (1953); некоторые из них и предлагаются вниманию читателя вместе с фрагментом из автобиографической книги «Воспоминания и размышления писателя» (1962).

ГЕНДЕЛЬ И ГАНГСТЕРЫ

Вероятно, в тот день в лондонском Сити можно было услышать великое множество нелепых дискуссий и споров. Но, конечно, самый странный и самый забавный из них затеяли эти двое. Начнем с того, что они были совершенно незнакомы друг с другом; происходил же их спор где-то между небом и землей в середине шахты лифта в очень высоком здании недалеко от Чипсайда.

Это был один из тех лифтов, которыми пассажиры — как правило, с большой опаской — управляют сами. Первый пассажир, высокий костлявый человек, вошел в лифт на верхнем этаже, где он по поручению одной провинциальной организации, известной под названием Ладденстальского кооперативного товарищества, посетил контору фирмы «Гроссман и Дженкинс, оптовая торговля рубашечными тканями». Лифт начал спускаться, но этажом ниже был остановлен, и управляющий «Юнайтед Тропикал Продактс Лимитед» с поклоном распахнул дверцы перед вторым пассажиром. Второй не был ни высоким, ни костлявым. Это был уже довольно пожилой джентльмен с широким, чисто выбритым лицом; судя по фигуре он вел сидячий образ жизни, а весь его облик выдавал человека состоятельного и к тому же американца, и, подобно многим состоятельным американцам, он выглядел так, словно его несколько лет продержали в холодильнике. Он вошел в лифт, кивнул управляющему «Юнайтед Тропикал Продактс», закрывавшему за ним внутреннюю и наружную дверцы, и, не обращая никакого внимания на высокого костлявого человека, нажал кнопку с надписью «Вестибюль».

Лифт пошел вниз, остановился, проехал еще немного и окончательно стал где-то между этажами. Американец неодобрительно посмотрел на кнопку с надписью «Вестибюль» и снова нажал ее. Никакого результата.

— А вы как следует нажали? — спросил высокий костлявый человек с заметным йоркширским акцентом.

— Да, — сухо ответил второй.

Высокий приставил к кнопке длинный и всем своим видом вызывающий доверие палец, но тоже не добился успеха.

— Удовлетворены? — спросил американец с иронической интонацией, которая как нельзя лучше соответствовала его низкому и довольно скрипящему голосу.

— Теперь удовлетворен, — сказал его спутник, ничуть не смутившись, — раз уж я и сам попробовал. Видно, там что-то заело. Давайте-ка поднимемся немножко, а потом спустимся. Не возражаете?

Американец кивнул и нажал нужную кнопку. Но лифт предпочел остаться на месте. Два пассажира прижались носами к двери и услышали сверху чей-то голос. Они стали кричать, но ответа не последовало. Однако через минуту послышался другой голос, более громкий и властный.

— Все в порядке, — прогремел этот голос, обращаясь к ним. — Сейчас мы его починим. Только ничего не трогайте, пока я не скажу. Слышите?

Они в унисон закричали, что слышат.

— Тогда полный порядок, — ответил голос. — Это недолго.

Американец и высокий костлявый человек посмотрели друг на друга.

— Ничего себе полный порядок! — сказал первый, выпятив нижнюю губу, отчего он стал похож на большого бледного младенца. — Я бы сказал наоборот: полный беспорядок!

— Да, вот незадача, — отозвался йоркширец, фамилия которого была Хебблсуэйт. Задержка не очень его раздражала, и он поддакнул из чистого дружелюбия. — Старый лифт, что поделаешь.

— Очень старая модель. Этот лифт давно пора сдать на слом. Одна из ваших древностей, — сказал американец и, поджав нижнюю губу, изобразил легкую улыбку. — Ну что же, слава богу, что это не Крайслер-билдинг в Нью-Йорке.

— Я так и подумал, что вы американец, — сказал другой, явно довольный собственной наблюдательностью.

— Да, я американец. — Он сделал паузу, затем добавил со свойственной ему официальной вежливостью: — Моя фамилия Онгар, сэр.

— А я — Том Хебблсуэйт.

— Очень рад с вами познакомиться, мистер Хебблсуэйт, — улыбнувшись, сказал мистер Онгар. Затем, вспомнив, что он лицо чрезвычайно важное и влиятельное, — а в нем было что-то, наводившее на такую мысль, — он нахмурился, вынул из кармана записную книжку и, нахмурившись еще больше, стал ее перелистывать. Пока он этим занимался, мистер Хебблсуэйт набил трубку, раскурил ее и удовлетворенно запыхтел. Некоторое время оба молчали, а затем мистер Онгар, не отрываясь от своих деловых записей, стал что-то тихонько насвистывать.

Мистер Хебблсуэйт дал своему спутнику посвистеть с минуту, после чего прервал его.

— А теперь я вам скажу, что вы сейчас насвистывали,— добродушно объявил он.

Мистер Онгар поднял глаза от записной книжки.

— А разве я что-то насвистывал?

— Конечно, насвистывали, и я сейчас скажу вам, что именно — и можете быть уверены, здесь вам никто другой этого не скажет.

— Так что же я насвистывал?

— Арию из генделевского «Иуды Маккавея»,— торжествующе произнес мистер Хеблсуэйт.

Действительно, мистер Онгар насвистывал, сам того не сознавая, но мелодия, должно быть, все еще звучала у него в голове, потому что он просвистел несколько следующих тактов. Внезапно его широкое бледное лицо просияло.

— Вы правы, мистер... э-э... Хеблсуэйт,— вскричал он в восторге,— это ария из «Иуды Маккавея». Но если бы мне сказали, что здесь, в лондонском Сити, эту мелодию так быстро узнают, я бы не поверил. Так вы знакомы с музыкой Генделя? Это замечательно! Гендель, по моему мнению, величайший из музыкантов всех времен. Да, сэр, величайший. А вы знаете его о-ра-тории?

— Еще бы мне их не знать! — воскликнул мистер Хеблсуэйт.— Если бы вы состояли в Ладденстальском хоровом обществе столько лет, сколько я, вы бы тоже знали Генделя. Я пел эти оратории, можно сказать, до посинения. Да мы, черт возьми, мы их даже задом наперед знаем.

— Прекрасно! — И мистер Онгар снова лучезарно улыбнулся.

— Только я хочу сказать вам одну вещь,— продолжал мистер Хеблсуэйт дружелюбно, но настойчиво.— Вы эту мелодию насвистывали не совсем точно. Потому-то я и заговорил о ней.

Мистер Онгар был потрясен.

— Вот что: если я могу хоть чем-то гордиться,— сказал он очень медленно, взвешивая каждое слово,— так это хорошим слухом, чутким к музыке вообще, а к музыке Генделя в особенности. И если я насвистывал эту мелодию, сэр, то вы можете дать голову на отсечение, что она должна звучать именно так, как я ее просвистел.

— Я не дал бы и двух пенсов, не то что голову,— воскликнул йоркширец.— Нет, вы свистели неправильно. И сейчас я вам покажу, где вы ошиблись. Слушайте!

И без лишних слов он довольно приятным баритоном спел свою версию этой мелодии, отбивая такт рукой.

Американец покачал головой.

— Нет. Я ничего не имею против этой мелодии. Я рад, что услышал ее. Но это не-е ария из «Иуды Маккавея» Генделя. Не знаю, что я насвистывал раньше, потому что я думал о другом, но я просвищу ее теперь, и вы сразу услышите, где вы допустили ошибку.

И мистер Онгар с серьезным видом вытянул свои пухлые губы и засвистел, отбивая такт по рукаву собеседника.

Теперь настала очередь мистера Хебблсуэйта покачать головой, что он и сделал. После этого два энтузиаста, отрезанные от мира в своей висячей клетке, начали жаркий спор и совершенно забыли, где они находятся. Им было не до того: они старались подавить друг друга своими музыкальными познаниями, а поскольку ни один из них не отличался чрезмерной скромностью, заняты они были основательно.

— А я вам говорю, — твердил мистер Хебблсуэйт, наклонившись почти к самому уху мистера Онгара и тоже слегка постукивая по его рукаву, — что Ладденсталское хоровое общество... и заметьте, хоть Ладденсталь не такой уж большой город, вам придется немало побродить по свету, прежде чем вы найдете лучшее хоровое общество... так вот, Ладденсталское хоровое общество давало «Иуду» трижды, и я, можно сказать, насквозь пропитался этой музыкой... я ее знаю, как собственное имя.

— Я не говорил этого раньше, — вскричал мистер Онгар, — но перед вами Джеймс Старк Онгар, глава фирмы «Онгар Тропикал Продактс». Никому об этом не рассказывайте, потому что я не хочу лишнего шума вокруг моей маленькой поездки за океан. Но теперь, раз уж вы знаете, кто я, знайте и то, что последние десять лет я финансирую Генделевский фестиваль Онгара — крупнейший музыкальный фестиваль нашего времени.

— А когда старый Джо Клаф... это наш дирижер... велит что-то выучить, так ты должен это выучить без дураков. А когда ладденсталские певцы поют ораторию, то не кое-как, через пятое на десятое, а вызубив ее всю от корки до корки. И мы исполняли «Иуду» не один раз, а целых три...

— Теперь позвольте и мне сказать вам кое-что. Я собрал лучшую коллекцию рукописей и писем Генделя — лучшую не в Америке, а в мире. Перед вами человек, который отдает музыку Генделя лучшие минуты своей жизни... не занятые бизнесом... и тратит на нее немало долларов; человек, в чей дом в Нью-Йорке приходят величайшие дирижеры, чтобы побеседовать с ним о Генделе. И уж если я насвистываю мелодию Генделя, то насвистываю ее правильно. Я не могу ошибиться.

Тут они неожиданно заметили, что находятся на дне шахты лифта; швейцар и какой-то человек в комбинезоне открыли им дверцы и принялись подробно объяснять, почему лифт так долго стоял. Но мистер Онгар и мистер Хебблсуэйт только отмахнулись. Их больше не интересовали лифты. Они были слишком заняты своим спором. Перебивая друг друга, они вышли на улицу, где американца ждал большой прокатный «Роллс-Ройс».

При виде этой машины у мистера Онгара родилась одна мысль.

— Послушайте-ка, мистер Хебблсуэйт,— сказал он с необычным для него пылом.— Вы человек занятой. Я — тоже... вы даже представить себе не можете, как я занят. Но мы просто обязаны решить этот спор. В моем номере в «Палэйшл» лежит партитура «Иуды Маккавей» — огромная, как жизнь, издание восемнадцатого века, я купил ее всего два дня назад... давайте сейчас подъедем туда и все выясним. Мне бы не хотелось весь остаток дня думать о том, что я так и не доказал вам вашу ошибку. Что вы на это скажете?

— Что победителем буду я,— ответил мистер Хебблсуэйт.— Посмотрим, как выглядит эта ария на бумаге, и если окажется, что я ошибся, можете обругать меня последними словами. Но я не ошибся.

Они тут же поехали в «Палэйшл» — один из самых роскошных отелей, о которых мистер Хебблсуэйт немало слышал, но ни разу в них не бывал. Его зеленое с золотом великолепие произвело на мистера Хебблсуэйта должное впечатление.

— Ого, видно, дорогое удовольствие жить здесь,— заметил он, когда уже другой лифт уносил их наверх, к номеру мистера Онгара.

— По-моему, это наилучший вариант,— сказал мистер Онгар небрежно.— Отель очень удобный. И к тому же не слишком большой.

— Что верно, то верно,— иронически промолвил йоркширец.— Вот именно небольшой. Можно даже сказать, скромный. Всего-навсего с городок средних размеров. С одной стороны, недолго и заблудиться, а с другой стороны, никогда не уйдешь дальше, чем на полмили.

Мистер Онгар прошел в зеленую с золотом гостиную.

— Садитесь, мистер Хебблсуэйт,— сказал он не без иронии.— Располагайтесь поудобнее — ведь сейчас вам предстоит убедиться в своей ошибке. Вот партитура.

Он подошел к столу и взял в руки огромный том в кожаном переплете. Больше мистер Онгар ничего не успел сделать, потому что в этот момент послышался чей-то неприятный насмешливый голос.

— Так, так, отлично! — произнес он, и из двери, которая, по-видимому, вела в спальню, вышли двое молодых людей. Один сразу же занял позицию у входной двери, второй внезапно рывкнул «Руки вверх» и вытащил устрашающего вида пистолет-автомат. Мистер Онгар и мистер Хебблсуэйт не успели опомниться, как уже стояли с поднятыми руками; молодой человек с пистолетом быстро и ловко обшарил их карманы и остался очень доволен, убедившись, что эти два джентльмена не имеют обыкновения носить при себе огнестрельное оружие.

Мистер Хебблсуэйт вдруг почувствовал себя действующим лицом какого-то кинофильма. На экране ладенстальского кинотеатра «Плаза», куда он часто ходил с миссис Хебблсуэйт, он видел молодых людей, которые двигались и разговаривали так же, как эти. Ему нравились голливудские гангстерские фильмы, но он всегда считал их чем-то весьма далеким от реальности. Теперь он поспешно пересматри-

вал свой приговор. Двое молодых людей были вполне реальны, и все же они словно сошли с экрана. Они были роскошно одеты — в яркие полосатые костюмы, шикарные галстуки и скрипучие ботинки — и явно гордились своей внешностью. Они напоминали пару злых павлинов. Но в их щегольстве не было ничего по-настоящему молодого. И лица их тоже никто не назвал бы молодыми. Это были лица людей, которые живут на свете не так уж долго, но выглядят гораздо старше своих лет — просто потому, что приходится лишь удивляться, как это им все-таки удалось прожить столько, сколько они прожили. Тот, что стоял у двери, производил менее отталкивающее впечатление, хотя был выше ростом и сильнее. А вот второй, поменьше, с пистолетом выглядел на редкость мерзко. У него были волнистые черные волосы, лицо светло-оливкового, почти зеленого цвета, колючие маленькие глазки и жестокий кривой рот. Чем дольше мистер Хеблсуэйт смотрел на него, тем больше он задним числом верил тому, что видел в голливудских гангстерских фильмах.

— Так, так, отлично! — снова протянул черноволосый, двигая только одной стороной рта. — Вы, кажется, удивлены, мистер Джеймс Старк Онгар?

Он говорил чистую правду. Онгар действительно был удивлен.

— Ничего не понимаю. В чем дело? Кто вы такие?

Стоящий у двери хрипло рассмеялся.

— Да просто двое ребят, которые решили для развлечения отправиться в приятное путешествие, как и вы, мистер Онгар, — сказал он, радуясь собственному остроумию.

— Погоди, Сэм. — Черноволосый предостерегающе взглянул на своего товарища. Затем он подошел вплотную к мистеру Онгару и ухмыльнулся прямо ему в лицо. — Я открою вам маленький секрет, мистер Онгар. Должны же вы знать, какой мы вам приготовили сюрприз. Я Чарли Банетти.

Мистер Онгар вздрогнул от неожиданности.

— Банетти! — прохрипел он, вытаращив глаза. — Что вы тут делаете?

— А мне тоже захотелось прошвырнуться за океан, — ответил тот, скаля зубы. Потом он мрачно продолжал: — Мы с вами вроде бы не знакомы? Но вы обо мне все знаете, так ведь? Ну, еще бы. Вот и я о вас все знаю. Мистер Джеймс Старк Онгар — один из лидеров великого очистительного движения. Только Чарли Банетти ты еще не вычистил, старый болван! А я приплыл на том же пароходе, чтобы устроить тебе маленький сюрпризик. Теперь начнется чистка по эту сторону океана, только здесь чистить буду я.

— Это точно, — сказал Сэм у двери, все еще продолжая веселиться.

— Ни с места! — закричал Банетти.

— Послушайте, — сказал мистер Хеблсуэйт, решив, что пришло время вмешаться. — Не уберете ли вы эту штуку подальше?

Банетти бросил на него быстрый презрительный взгляд.

— Вы ведь можете случайно выстрелить, — серьезно продолжал мистер Хебблсуэйт. — А у нас в Англии вешают за неосторожное обращение с такими вещами.

Лицо Банетти от уха до уха перерезала свирепая мерзкая ухмылка, а холодные маленькие глазки усталились на мистера Хебблсуэйта.

— Ах, вешают, вот как? Что-то ты у нас разболтался. Тебя спрашивали, нет? Ну и помалкивай. — С этими словами он шагнул вперед и одним презрительным движением пальца выдернул галстук мистера Хебблсуэйта из-под жилета. — А будешь еще вякать, я тебе так задам, что ты и не вспомнишь, в какой ты стране — в Англии или еще где. — Он ткнул мистера Хебблсуэйта в живот тупым дулом пистолета и скомандовал: — Марш туда, живо!

Мистер Хебблсуэйт очутился в спальне, и дверь за ним захлопнулась. Он был зол как никогда. Что себе позволяет этот Банетти! Особенно его взбесил выдернутый галстук. Никто, а тем более иностранец, а тем более ухмыляющийся американский гангстер не может безнаказанно выдернуть галстук у джентльмена из Ладенстала. Однако некоторое время мистер Хебблсуэйт хранил молчание. Он осмотрел спальню, и хотя это была прелестная комната, восхитительно отделанная и выдержанная в знакомых зеленом и золотом тонах, удовольствие от созерцания ее он не получил. Окно здесь выходило не в ту сторону, что окно гостиной, а во двор, выложенный белым камнем. Не было ни пожарной лестницы, ни другого пути к бегству. В комнате, конечно, имелось множество звонков, но, обследовав их, мистер Хебблсуэйт убедился в том, что он сильно недооценил предусмотрительность Банетти. Звонки были на совесть испорчены. Больше никакой связи между спальней и отелем не существовало. Была еще дверь в ванную — великолепную ванную, не дававшую, однако, никаких возможностей для побега, кроме канализационных труб. Потратив минуты две-три на изучение местности, мистер Хебблсуэйт обдумал план действий. Он казался сейчас совершенно спокойным, но на самом деле все еще кипел от злости. Будь рядом с ним другой ладенсталец, он, несомненно, сразу бы это почувствовал.

Мистер Хебблсуэйт начал осуществление своего плана с того, что нацарапал что-то на листке почтовой бумаги; затем он сунул в карман кусок мыла из ванной и забарабанил по запертой двери. Очевидно, стук встревожил Банетти, потому что тот довольно скоро распахнул дверь и спросил, что это, черт побери, означает.

— Я хочу выйти отсюда, — заявил ему мистер Хебблсуэйт.

— Да ну? — вскричал Банетти в своей обычной манере. — Хочешь, значит, выйти, да? Ну, слушай, ты, чучело долговязое. Сиди на месте. Будешь сидеть тихо — никто тебя не тронет. А нет — пеняй

на себя. С виду ты деревенщина, да и по разговору тоже, а я мелкой рыбешкой никогда не интересовался, так что не хочу и руки марать. Но смотри, дядя, будешь лезть куда не надо — всплую.

— Но послушайте,— нетерпеливо сказал мистер Хебблсуэйт.— Я пришел сюда с мистером Онгаром, потому что мы с ним поспорили и хотели выяснить, кто из нас прав, посмотрев в ноты, которые у него тут лежат. Вы же можете позволить нам разрешить наш спор, прежде чем начнете заниматься своим делом. Всего одна минута, а вам будет гораздо легче толковать с мистером Онгаром, когда он перестанет думать об этом.

— А, ну тогда, конечно, другой разговор, тогда мы тебя сейчас выпустим,— с издевкой произнес Банетти.— За идиотов нас принимаешь? Не волнуйся. Ты еще долго там просидишь.

— Да не в этом дело,— правдиво сказал мистер Хебблсуэйт.— Я просто хочу покончить с нашим спором, вот и все. А потом я вернусь туда и буду сидеть тихо.

— Еще бы,— мрачно заметил Банетти. Потом он спросил через плечо: — Это верно, Онгар?

— Да,— ответил мистер Онгар устало.— Мы поспорили о музыке и пришли сюда, чтобы узнать, кто прав.

— Видите ли, мистер,— смиренно сказал мистер Хебблсуэйт гангстеру,— я записал на бумажке, как я представляю себе мелодию, из-за которой мы поспорили. Может быть, вы все-таки разрешите мне заглянуть в ноты — это займет полминуты, не больше,— и тогда я отдам свою записку мистеру Онгару, если окажусь прав, или просто выброшу ее, если я ошибся, вот и все. Ничего больше. Зато мистер Онгар успокоится и внимательнее отнесется к вашим словам, когда все будет выяснено.

— Мистер Онгар и так очень внимательно отнесется к моим словам, куда внимательней, чем раньше,— протянул Банетти и с пренебрежением добавил: — Ладно. Можешь взглянуть.

Мистер Хебблсуэйт подошел к столу, раскрыл огромную, переплетенную в телячью кожу партитуру и, достав из кармана листок бумаги, произвел сравнение.

— С ума сойти! Нет, вы только подумайте! — воскликнул он раздосадованно и пристыженно.— Оказывается, вы были правы, мистер Онгар, а я ошибался. Я выброшу записку, а то вы увидите мой позор и посмеетесь надо мной.

Он подошел к открытому окну и выбросил записку. Через секунду снизу донесся такой звук, словно бумага за время падения сильно прибавила в весе и обо что-то ударилась.

— Понимаете,— почтительно сказал мистер Хебблсуэйт, поворачиваясь к Банетти.— я не знаю, интересуетесь ли вы музыкой, но вот эта мелодия... — И он протянул Банетти раскрытую партитуру.

Гангстеру не оставалось ничего другого, как посмотреть. Никто бы на его месте не смог удержаться. И вот в ту самую минуту, когда Банетти соизволил посмотреть в ноты, мистер Хебблсуэйт из неповоротливого простачка мгновенно превратился в человека стремительного действия, ибо можно носить очки и служить агентом по закупкам в кооперативном товариществе и все же быть человеком действия, особенно если учесть, что мистер Хебблсуэйт некогда был сержантом Западного Йоркского полка и получил на Сомме медаль «За безупречную службу». К концу этой минуты у Банетти уже не было пистолета, а сам он с трудом держался на ногах после неожиданного и сильного удара увесистой генделевской партитурой.

— Ловите! — крикнул мистер Хебблсуэйт, бросая пистолет мистере Онгару. — И следите за вторым.

Затем мистер Хебблсуэйт быстро снял очки и обратился к Банетти, который все еще не мог прийти в себя.

— Ну, приятель, — сказал он зловеще, — сейчас мы с тобой займемся одним делом. Нам надо кое-что выяснить. Не вмешивайтесь, мистер Онгар. Следите за вторым. Ну, а теперь посмотрим, кто кому выплет.

Гангстер был достаточно воинственно настроен, а что касается умения драться, то он прошел хорошую школу и, кроме того, был моложе мистера Хебблсуэйта. Но бессонные ночи и алкоголь свели это преимущество на нет. К тому же мистер Хебблсуэйт сам прошел неплохую школу и тоже умел драться; вдобавок он был тяжелее своего противника и обладал большим радиусом действия. Сражение длилось минуты четыре, но за это время Банетти основательно досталось.

— А теперь я выдерну твой галстук, приятель, — проревел мистер Хебблсуэйт; и когда гангстер еще раз пошатнулся и упал, мистер Хебблсуэйт, прыгнув вперед, так свирепо рванул этот ни в чем не повинный кусок шелка, что половина галстука осталась у него в руке. Честь Ладденстала была восстановлена.

К этому времени Сэм, несмотря на пистолет, которым завладел теперь мистер Онгар, видимо, тоже собрался принять участие в военных действиях, как вдруг, к несчастью для него, события приняли совсем другой оборот. Входная дверь, возле которой он стоял, распахнулась, и прежде чем Сэм успел что-нибудь сделать, а его шеф подняться на ноги, в номере появились еще четыре человека — помощник управляющего, два швейцара и дюжий полицейский. Верный традициям нашего до нелепости старомодного острова, для которого все еще характерна известная узость взгляда на таких людей, как Банетти, полицейский отнесся к именитым посетителям без всякого сочувствия и помог препроводить их туда, где им предъявили целый ряд обвинений.

— Одного я в толк не возьму, — сказал мистер Хебблсуэйт полчаса спустя. — Какая у них была цель?

Он курил огромную сигару, распространявшую сказочный аромат.

Сигара, которую вынул изо рта мистер Онгар, прежде чем ответить, была ничуть не меньше.

— Я думаю, это своего рода рэкет, — медленно произнес он. — Банетти знал, что я один из руководителей движения за очистку городов от гангстерских шаек. Если бы он заставил меня выписать чек прямо здесь, в Лондоне, я бы остался в дураках, а он бы и посмеялся и денежки положил в карман. У него уже был приготовлен чек, на котором не хватало только моей подписи. Они бы нас связали, через десять минут получили бы деньги и ночью уехали бы в Париж или Берлин. Но благодаря вам, мистер Хебблсуэйт, так далеко дело не зашло.

— Да, когда этот тип выдернул мой галстук, он не знал, что сам себе роет яму, — задумчиво проговорил мистер Хебблсуэйт.

— Но как вы вызвали сюда этих людей — швейцаров и полицейского? — спросил мистер Онгар. — Вы что, кричали из спальни?

Йоркширец усмехнулся.

— Это была тонкая работа, хотя, признаться, я не думал, что у меня что-нибудь выйдет. Когда мы только зашли сюда, я выглянул в окно и заметил внизу веранду со стеклянной крышей. Ну, а дальше я написал записку — о том, какие у нас тут дела делаются... и вы сами видели, как я ее выбросил. Только я завернул в нее большой кусок мыла, вот что самое главное. Я подумал так: либо стекло разобьется, либо мыло хорошенько об него стукнется — в любом случае записку кто-нибудь да заметит. Так оно и получилось. Я не мог выбросить ее из спальни, потому что там окно выходит во двор и никто бы ее не увидал.

Мистер Онгар воздал должное этой тонкой работе, затем с чрезвычайно торжественным видом обратился к своему собеседнику.

— Мистер Хебблсуэйт, — начал он, словно предлагая тост за его здоровье на большом приеме, — вы как раз такой человек, который нам нужен в «Онгар Тропикал Продактс». Как вы на это смотрите? Ваши условия?

— Вы знаете, я уже столько раз слышал такие разговоры в кинофильмах, — радостно воскликнул мистер Хебблсуэйт, — и всегда думал, что это сплошная выдумка, а вот теперь — надо же! — это случилось со мной самим. Я вам очень благодарен, мистер Онгар, но я не могу принять ваше предложение. Понимаете, я как раз такой человек, который нужен и в Ладденстальском кооперативном товариществе. Я не говорю, что не был бы рад получить чуточку больше денег, но лучше всего, если вы сами напишете им об этом.

— Я очень, очень вам признателен, мистер Хебблсуэйт, — сказал американец, явно начиная новое публичное выступление, но мистер Хебблсуэйт прервал его.

— Теперь, я вижу, вам хочется что-то сделать, но вы не знаете что. Вы же не последний раз в Англии... все время ездите туда-сюда. Ну так вот. Дайте мне слово, что приедете в Ладденсталь послушать, как наш хор поет «Мессию»... вы услышите настоящего Генделя, и если вам понравится, суньте руку в карман и сделайте хорошее пожертвование в пользу ладденстальского хора. Мы были бы рады такому покровителю.

— Разумеется, — воскликнул мистер Онгар. — Я с радостью сделаю это прямо сейчас. — Потом он хитро улыбнулся. — Кстати, вы не забыли о той арии из «Иуды Маккавея»? Все-таки прав оказался я.

Мистер Хебблсуэйт вскочил с кресла.

— Вы? Ничего подобного! Даже и не думайте! Ведь я сказал, что ошибся, только для того, чтобы выбросить в окно записку. Честное слово, я все время знал, что я прав. А ну-ка, — решительно продолжал он, раскрывая партитуру, — просвистите еще раз. Сейчас вы увидите, кто из нас ошибся на самом деле.

И они снова принялись насвистывать.

Не будем им мешать.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ПАРК-ЛЕЙН

Достопочтенный маркиз Чарльз Уильям Эдмунд Александр Гордон-Фицджеральд Гэрлок, кавалер ордена Подвязки, член Тайного совета, кавалер ордена Виктории первой степени, и его супруга маркиза Элен Виктория Мария Кристина были в тот вечер Дома. Они были Дома в Гэрлок-хаузе для всех политических и светских знаменитостей Лондона. Парк-Лейн здесь напоминала забитую до отказа выставку самых больших и дорогих автомобилей. У главного входа стояли факельщики. В холле выстроились двумя шеренгами рослые лакеи, при этом вид у них был такой, словно они в любой момент могли запеть хором. Несмотря на специальный наряд полиции, не позволявший автомобилям и прохожим скапливаться перед особняком, простолудины, преимущественно женского пола, десятками подходили к самым ступеням и заглядывали в широко распахнутые двери, чтобы полюбоваться зрелищем, куда более эффектным, чем оперетта, и к тому же бесплатным. Роскошные автомобили непрерывно высаживали светских и политических знаменитостей, и эти важные персоны сверкающим потоком текли вверх по ступеням, проходили через холл и поднимались по великолепной витой лестнице, встречаемые улыбкой хозяйки дома. На леди Гэрлок были все фамильные драгоценности, отчего она из довольно еще красивой женщины средних лет превратилась в подобие разукрашенной новогодней елки. Поздоровавшись с хозяйкой дома, гости следовали дальше, в огромную библиотеку и гостиную, которые были уже переполнены, а лестница, нижний холл и наружные ступени между тем принимали все новых и новых гостей, двигавшихся плотным потоком. Начинался грандиозный прием.

В углу библиотеки, где народу было поменьше, стояли вплотную друг к другу и шепотом переговаривались два человека. В своих мешковатых костюмах, без всяких крестов и лент, оба они казались здесь посторонними. Один был высокий, костлявый, в очках, другой — маленький, коренастый, с багровым лицом и огромными грубыми руками. Однако коренастый имел полное право находиться здесь. Он получил приглашение, ибо действительно был важной персоной. Это был Джозеф Паддаби, профсоюзный лидер, член парламента от Ладденстальского округа в Западном Рединге, в прошлом министр Его Величества. Высокий же человек был самозванцем. Его имени не было в списке гостей леди Гэрлок. Это был мистер Том Хебблсуэйт, агент по закупкам Ладденстальского кооперативного товарищества, которого дела службы снова привели в Лондон. Костюм, болтавшийся на нем, был взят напрокат только утром, когда Джо Паддаби, друг мистера Хебблсуэйта, заявил, что он, Хебблсуэйт, должен пойти на прием вместо Джека Мурмана, одного из коллег Джо по лейбористской партии, сурового пролетария, который отказался от приглашения, не

жая пользоваться гостеприимством этих бездельников. Мистеру Хебблсуэиту очень хотелось посмотреть на высшее общество, и он дал втянуть себя в эту авантюру, но она вызвала у него сомнения. У него до сих пор был сомневающийся вид.

— Знаешь, Джо, — шептал он, — когда объявили: «Мистер Джон Мурман» и надо было идти наверх, меня даже пот прошиб. Вдруг, думаю, сейчас кто-нибудь возьмет да скажет, что я не Джек Мурман. Вот бы я влип в историю.

— Да нет, — ответил мистер Паддаби. — Тут толчется столько народу, что никто никого не знает. Можешь не волноваться. И пользуйся случаем, пока ты здесь. Тебе не мешает поглядеть на такую вот вечеринку. Теперь их будет не слишком много, — добавил он сурово. — Мы уж об этом позаботимся.

Мистер Хебблсуэйт огляделся. Большинство людей было ему совершенно неизвестно, но он узнал нескольких политических деятелей, знакомых ему по газетным фотографиям и рисункам. Происходящее напоминало одновременно и грандиозную театральную массовку и ожившую политическую карикатуру. Все это было очень странно и сбивало с толку. Впрочем, мистер Хебблсуэйт получал бы больше удовольствия, если бы не сознание того, что он проник сюда обманным путем. Он в первый раз видел высшее общество вблизи и пока что был о нем не особенно высокого мнения. Лишь очень немногие производили впечатление по-настоящему значительных людей, да изредка попадались красивые женщины. Но большей частью женщины, даже самые красивые, были, на его взгляд, слишком разодеты, слишком накрашены и обвешаны бриллиантами. Он старался кое-что запомнить для миссис Хебблсуэйт, которая непременно захочет узнать все подробности, когда он станет рассказывать ей об этом вечере.

— Между нами говоря, Джо, — заметил он, — если не обращать внимания на их одежду и драгоценности, так у нас на ладенстальском благотворительном базаре публика ничуть не хуже.

— Нет, брат, куда лучше, — усмехнулся мистер Паддаби.

— А видишь вон там старушенция — не человек, а парфюмерный магазин! — сказал мистер Хебблсуэйт.

Но тут к мистеру Паддаби подошел его высокопоставленный политический коллега, и ему пришлось покинуть своего друга. Оставшись один, мистер Хебблсуэйт почувствовал себя как-то неуютно. Почти все гости, очевидно, были знакомы между собой; они собирались группами и, беседуя, переходили из комнаты в комнату. Неприятно быть одному, а еще неприятнее при этом знать, что тебе вообще не полагалось бы здесь находиться. Мистер Хебблсуэйт побродил взад-вперед, а потом, как обычно делают люди, оказавшиеся на приеме в одиночестве, сделал вид, что ищет своих друзей, которые должны быть где-то здесь, в дальнем углу. Какая-то старая дама

с впалыми накрашенными щеками и огромным кривым носом бросилась к нему, пронзительно крича что-то в знак приветствия.

— Здравствуйте,— смущенно сказал мистер Хебблсуэйт, который видел эту мегеру первый раз в жизни.

Но не успел он договорить, как старуха поняла свою ошибку. Ее рот со стуком захлопнулся, а глаза сделались ледяными и страшными. Не извинившись, она повернула назад, и мистер Хебблсуэйт увидел ее лопатки, напоминавшие пару ошипанных кур. Лопатки быстро удалялись, и он шепотом высказал им вслед все, что думал о них и об их обладательнице. Тут ему впервые встретился высокий человек с солдатскими усами.

— Виноват,— сказал усатый, в упор глядя на мистера Хебблсуэйта,— вы мистер Коркоран, если не ошибаюсь?

— Нет,— ответил мистер Хебблсуэйт, которому этот человек с солдатскими усами не понравился. Он чем-то неуловимо отличался от остальных гостей. Он был во фраке, но все равно сразу чувствовалось, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Я должен ему кое-что передать,— сказал усатый.— Прошу прощения. Вы на него похожи, но теперь я и сам вижу, что ошибся. Вы мистер... э-э...

И он замолчал, ожидая, что ему подскажут фамилию.

Мистер Хебблсуэйт стал перед альтернативой: не называть своей фамилии, что, конечно, произведет невыгодное впечатление, или назвать ее, что означает новую альтернативу — Мурман или Хебблсуэйт. В первом случае может оказаться, что этот человек знает Мурмана. Если же он назовет свою настоящую фамилию, то тем самым разоблачит себя как незваного гостя. Но последнее, вероятно, не так уж страшно. И он рискнул.

— Хебблсуэйт моя фамилия,— пробормотал он.

— Да-да, мистер Хебблсуэйт,— повторил усатый и, кивнув, отошел.

Мистер Хебблсуэйт быстро двинулся в противоположную сторону. В этом человеке, в его солдатских усах и пристальном взгляде было что-то неприятное. Пять минут спустя, когда мистер Хебблсуэйт праздно глазел из угла на болтающую толпу, он почувствовал на себе чей-то взгляд и повертел головой: усатый стоял между двумя группами гостей метрах в десяти от мистера Хебблсуэйта и выжидательно смотрел на него. Мистер Хебблсуэйт снова принялся бродить взад-вперед, думая, не разумнее ли было бы уйти совсем. Джо Паддаби куда-то запропастился.

Тут мистер Хебблсуэйт заметил, что почти все гости направляются к дверям в дальнем конце библиотеки, и услышал произнесенное кем-то слово «ужин». Он сразу отбросил мысль о бегстве. Было уже начало двенадцатого, он успел проголодаться и почувствовать жажду. Кроме того, стоило ли идти на прием в высшее общество, если теперь он

упустит возможность узнать, что и как высшее общество ест и пьет. Ни один йоркширец не смог бы уйти в такой момент. Поэтому мистер Хебблсуэйт двинулся вместе со сверкающим потоком, который струился к дверям библиотеки, стекал вниз по нескольким ступенькам и вливался в большой красивый зал, где стояли столы, ломившиеся от еды и напитков.

— Шампанского, сэр? — предложил слуга.

Мистер Хебблсуэйт согласился. Здесь было множество чудеснейших яств, и мистер Хебблсуэйт, отличавшийся прекрасным аппетитом, надежным желудком и интересом ко всему богатому и незнакомому, принял усердно воздавать им должное. То же самое делали и остальные гости. Мистер Хебблсуэйт всегда думал, что в высшем обществе люди едва прикасаются к еде и вину, но скоро понял, что ошибался. Он заметил старуху с впалыми накрашенными щеками и огромным кривым носом — ту, которая приняла его за другого. Она яростно пожирала что-то, как старая хищная птица.

— Точно тебя две недели не кормили, — вполголоса сказал мистер Хебблсуэйт.

Теперь он чувствовал себя гораздо лучше и свободнее. Он приписал это действию еды. О нескольких бокалах шампанского, выпитых почти подряд, он как-то не подумал. В жарких переполненных комнатах ему захотелось пить, от еды жажда только усилилась, а шампанское было восхитительное, холодное и искристое, и он пил его как простой лимонад. В результате все стало казаться мистеру Хебблсуэйту больше и ярче, и он почувствовал себя здесь вполне своим человеком, а не подозрительным чужаком, непрошеным гостем, зрителем без билета. Неведомое прежде ощущение благополучия овладело им. Он был в мире со всем миром, даже с этим миром титулов, бриллиантов, румян, звезд и лент. Ведь если хорошенько приглядеться, это все очень неплохие люди.

И он, Том Хебблсуэйт, — тоже славный малый, и удачливый к тому же. И уж само собой, если бы усатый появился снова, они бы с ним потолковали как два старых приятеля. Сейчас у мистера Хебблсуэйта было именно такое расположение духа. В этот-то момент и начались по-настоящему его приключения, и вечер леди Гэрлок превратился в сказку из «Тысячи и одной ночи», а мистер Хебблсуэйт вернулся домой в Ладденсталь с рассказом, в истинность которого его друзья так и не смогли поверить.

Вот как это произошло. Утолив голод и жажду, мистер Хебблсуэйт захотел покурить; он заметил, что гости берут сигары из коробок, стоящих на столе в углу зала, направился туда же и выбрал себе сигару — не очень большую, но превосходную. Раскурив ее, он уже хотел отойти от стола, как вдруг увидел хозяйку дома леди Гэрлок, которая беседовала с какой-то дамой. Среди множества драгоценностей на леди Гэрлок было великолепное жемчужное ожерелье. И вдруг

на глазах мистера Хебблсуэйта оно словно по волшебству соскользнуло с ее шеи и исчезло. Больше никто этого не заметил, в том числе и собеседница леди Гэрлок. Сама леди Гэрлок была поглощена разговором. Все остальные ели, пили и болтали. Мистер Хебблсуэйт не мог ошибиться. Жемчужное ожерелье только что было расстегнуто и украдено.

Он быстро сделал несколько шагов вперед и как раз успел увидеть человека, отходившего сзади от леди Гэрлок. Этот человек не имел ничего общего с теми похитителями драгоценностей, которые иногда возникали в воображении мистера Хебблсуэйта. Он был пожилой, маленький, большоголовый, с огромной розовой лысиной, густыми рыжеватыми бровями и кудрями того же цвета, росшими возле самых ушей, он напоминал маленького круглого розового зверька, у которого вылезла почти вся шерстка. Но мистер Хебблсуэйт готов был поклясться, что именно этот странный субъект сейчас украл ожерелье.

Отйдя от леди Гэрлок, пожилой человечек остановился и обвел зал быстрым хитрым взглядом. Он встретил осуждающий пристальный взор мистера Хебблсуэйта, и его нелепое лицо сразу же прояснилось. Он залихватски подмигнул мистеру Хебблсуэйту, потом ухмыльнулся, шагнул в сторону и смешался с толпой жующих, пьющих и болтающих.

Мистер Хебблсуэйт двинулся следом за ним. Ему удалось не потерять из виду эту подпрыгивающую розовую лысину на всем пути через зал до самых дверей, в которых она и исчезла. Все еще попыхивая сигарой, мистер Хебблсуэйт тоже вышел и поднялся в опустевшую библиотеку. Странный пожилой человечек был там; увидев мистера Хебблсуэйта, он помахал рукой, словно они играли в какую-то игру, и опять засеменял прочь. Он отворил дверь между двумя огромными книжными шкафами, которой мистер Хебблсуэйт до сих пор не замечал, и скрылся. Мистер Хебблсуэйт, сжигаемый охотничьим азартом, не задумываясь, последовал за ним и взобрался по короткой витой лестнице, которая привела его к раскрытой двери в небольшую уютную комнату — очевидно, кабинет. В этом кабинете перед камином стоял пожилой человечек.

Мистер Хебблсуэйт понял, что сейчас не время ходить вокруг да около.

— Послушайте, — начал он резко. — Я видел, как вы взяли внизу ожерелье.

— Ничего вы не видели, — раздраженно сказал человечек.

— Нет, видел, — сказал мистер Хебблсуэйт.

— В таком случае у вас очень острое зрение, — ответил тот, по-прежнему раздраженно. — Откуда, черт побери, такое зрение у человека в очках?

— Вы признаёте, что взяли его,— сказал мистер Хебблсуэйт оуждающе.

— Ну да, признаю, но только для того, чтобы избежать споров. Ненавижу споры. Говорят, говорят, говорят,— закричал этот странный человек,— а что толку? Конечно, я взял его, и вы должны согласиться, что это была тонкая работа, дьявольски тонкая. Как по-вашему?

И он с задумчивым видом склонил голову набок.

— Я не говорю, что это было сделано плохо,— согласился мистер Хебблсуэйт.— И вообще я бы вряд ли это заметил, если бы не смотрел в ту сторону.

— Отлично сказано! — Человек протянул руку.— Вы мне нравитесь. Как вас зовут?

Мистер Хебблсуэйт назвал себя.

— Престранная фамилия, должен заметить,— продолжал человек.— Но вы от этого не хуже, ничуть не хуже. И вы мне нравитесь. Ну, вам, наверное, хочется взглянуть на ожерелье.

Он погрузил правую руку в левый внутренний карман, потом в левый задний карман, после чего обшарил правый внутренний и задний карманы левой рукой. Результат был поразительный. Он высыпал на маленький столик сверкающую грудку драгоценностей: жемчужное ожерелье, несколько других ожерелий, часы, браслеты, и еще разные украшения, которые мистер Хебблсуэйт не успел рассмотреть.

— Боже! — воскликнул мистер Хебблсуэйт, вытаращив глаза на эту грудку золота, платины и драгоценных камней.— У вас неплохой улов, а?

Странный человек довольно засмеялся.

— Тонкая работа, знаете ли, очень тонкая работа, мистер Пebbлсбэйт,— сказал он удовлетворенно. Потом с конфиденциальным видом добавил:— Но знаете, у меня бывало и лучше. Много, много лучше. Впрочем, и это недурно, правда?

Он любовно провел пальцами по грудке драгоценностей. Затем поднял голову и лукаво поглядел на мистера Хебблсуэйта.

— Пойдите-ка. Это никуда не годится. Нельзя просто так стоять и глазеть. Сейчас мы с вами наденем маски. Где-то они у меня были.

Он снова начал рыться в карманах и на этот раз извлек оттуда две фальшивые бороды и несколько шоколадных конфет.

— Так вот,— продолжал он торжественно,— тот, кто хочет рассматривать эти безделушки, должен надеть...

И без лишних церемоний он нацепил нелепую рыжую бороду, отчего приобрел совсем уж фантастический вид, а вторую — остроконечную черную — протянул мистери Хебблсуэйту.

— Сейчас же наденьте,— скомандовал он.

Теперь вечер совершенно выбился из колеи и стал похож на дурной сон. Но мистер Хебблсуэйт еще сохранял способность воспринимать происходящее и слышал голос здравого смысла, настойчиво уговаривавший его не надевать эту дурацкую бороду. Он понял, что перед ним безобидный старый сумасшедший, который, по-видимому, больше всего любит красть драгоценности или, может быть, только делать вид, что крадет их. Судя по тому, как он знал дом и как спокойно покинул библиотеку и поднялся в эту уединенную комнату, он был родственником или другом хозяев дома. Между тем, пока эти мысли пронеслись в голове мистера Хебблсуэйта, он не сделал никакой попытки надеть бороду.

Человечку это надоело.

— Надевайте маску! — закричал он, повышая голос почти до визга. — Надевайте, говорят вам. Мы должны быть готовы ко всему. Для чего, вы думаете, я таскаю их с собой? Надевайте сейчас же!

Чтобы на время успокоить его, мистер Хебблсуэйт нацепил бороду. Она очень удобно надевалась на уши. Его вид привел человека в неописуемый восторг.

— Вот теперь другое дело, — воскликнул он. — Ну, давайте поглядим, что тут у нас, хотя, должен сказать, я ожидал большего. Вечера Элен уже совсем не те, что были. Ешьте шоколад.

— Нет, спасибо, сегодня я сыт и без шоколада, — сказал мистер Хебблсуэйт сквозь бороду.

— Мне кажется, Пеллсбэйт, — строго сказал человек, — что вы не умеете радоваться жизни. Вас этому не научили. А я... — Тут он взял шоколадную конфету и торжественно раскусил ее. — ...Я люблю приятно проводить время. Впрочем, я старше вас и больше знаю о мире, верно? Я бы сказал — чертовски верно.

В этот момент зажужжал телефон, стоявший возле мистера Хебблсуэйта. Его собеседник подбежал к аппарату и схватил трубку.

— В чем дело? — закричал он нетерпеливо. — Да, это я. Я слушаю. Да. Должен? Ну, хорошо, если я должен, я иду.

Он положил трубку и взглянул на мистера Хебблсуэйта, которого, как видно, считал теперь своим сообщником по какому-то грандиозному преступлению.

— Меня просят вниз, — сказал он. — Никуда не уходите. Я сейчас вернусь.

— Но я не собираюсь здесь оставаться, — возразил мистер Хебблсуэйт.

— Нет уж, пожалуйста. Вы должны остаться, иначе выйдет черт знает что. Стерегите эти безделушки. И ешьте шоколад. Вы должны есть шоколад. Я ненадолго.

Он вышел, не сняв своей фальшивой бороды. Мистер Хебблсуэйт, тоже не снявший фальшивой бороды, остался один в чужой комнате, в чужом доме перед столом с драгоценностями на много тысяч фунтов.

Сидеть здесь было глупо. Наверное, лучше всего снять эту идиотскую бороду, тихо спуститься по лестнице и убраться из дома, предоставив леди Гэрлок самой обнаружить свое ожерелье. Но едва он подумал об этом, как снаружи на лестнице послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошел громадный детина, которого мистер Хебблсуэйт меньше всего ожидал здесь встретить. Это был один из тех рослых лакеев, которых он видел внизу в холле. Мистер Хебблсуэйт узнал его по голубой ливрее. Но больше он ничего не мог узнать, потому что лакей был в черной маске. Мистер Хебблсуэйт глядел на него, раскрыв рот. Если б этот человек не держал в руке револьвера, можно было бы подумать, что он явился сюда прямо с маскарада или из финала какой-нибудь оперетты.

— Стой где стоишь, приятель, — сказал лакей, подходя ближе. — И не шевелись. Я тут по делу, так что мне сейчас не до шуток!

— Что это значит? — вскричал мистер Хебблсуэйт.

— Ага, вот оно! Я так и думал, что его светлость захватит свой сегодняшний куш с собой наверх. Отлично, отлично! Эй, отойди-ка подальше! Давай-давай, еще дальше! И ожерелье тоже здесь. Отлично, лучше просто не придумаешь. Ну, это мне, а ты забирай остальное. Счастливо оставаться, Распутин!

Он схватил ожерелье и еще несколько вещей, повернулся и пошел к двери. Холодная наглость этого налета так взбесила мистера Хебблсуэйта, что он бросился вперед, готовый к опасной схватке с вооруженным противником. Но, очевидно, лакей не имел намерения применять силу, предпочитая уйти быстро и бесшумно. Рука мистера Хебблсуэйта лишь коснулась его спины. Лакей одним прыжком выскочил из комнаты, захлопнул дверь перед носом у мистера Хебблсуэйта, и не только захлопнул, но даже запер на замок. Он предусмотрительно вынул изнутри ключ, когда вошел в комнату, и теперь мистер Хебблсуэйт был взаперти и напрасно терял драгоценное время, дергая дверную ручку.

— Да, ловко он меня, черт возьми... — подумал вслух мистер Хебблсуэйт, отворачиваясь от упрямой двери. — Что теперь делать? Позвонить им — кто бы ни были эти таинственные «они» — по телефону и рассказать обо всем? Или ждать, когда вернется странный пожилой человек — очевидно, лорд Такой-то, — который твердо обещал вернуться. Хотя, по-видимому, смешно принимать всерьез обещания его эксцентричной светлости, потому что у розового человечка явно не все дома. Размышляя об этом, мистер Хебблсуэйт снова подошел к столу и машинально протянул руку к оставшимся драгоценностям. Теперь хмель почти прошел и голова не так сильно кружилась, как во время погони за его kleptomанской светлостью, но от этого он отнюдь не стал чувствовать себя лучше. Наоборот. Все по-прежнему расплывалось у него перед глазами, но утратило всякую привлекательность. Ощущение благополучия исчезло, едва отхлынул

золотой поток шампанского. Началась легкая головная боль. Мистер Хеблсуэйт сел, продолжая перебирать в руках драгоценности. Но о них он не думал. Он думал о том, что делать дальше.

Дальше он изумленно и растерянно уставился на нового посетителя, который стоял у двери, рассматривая его с торжествующим блеском в глазах и с широкой насмешливой улыбкой — такой широкой, что ее не могли скрыть даже его солдатские усы. Ибо это был все тот же подозрительный высокий человек с солдатскими усами. Вид мистера Хеблсуэйта, судя по всему, доставил ему большое удовольствие.

— Так, так, так! — воскликнул он. — Вот мы где, и так чудненько заперлись! И кое-что другое тоже здесь. Так, так, так! Должен вам сказать, вы весьма умны — до известного предела. Но, как часто бывает, вы слишком быстро перешли этот предел. Ну, снимайте бороду. Это вам не детский утренник.

Мистер Хеблсуэйт с досадой обнаружил, что его борода все еще красуется на прежнем месте; он сорвал ее и швырнул на пол.

— Я и забыл о ней, — воскликнул он.

— И не только о ней, друг мой, — сказал посетитель.

— Знаете что, — закричал мистер Хеблсуэйт, — перестаньте воображать! Вы, конечно, думаете, что очень отличились, а вот я думаю, что вы сделали большую ошибку.

— Ну, еще бы, — сказал детектив с убийственной иронией. — Когда я внизу спросил, как вас зовут, вы назвали мне фамилию, которой нет в списке гостей. Разумеется, это была моя ошибка. Затем я нахожу вас здесь, в жилой части дома, где вы сидите, нацепив фальшивую бороду, с краденными драгоценностями в руках. Это тоже моя ошибка. А на прием без приглашения вы зашли случайно. И теперь сидите здесь, чтобы немного остыть? А фальшивую бороду вы надели просто потому, что имеете обыкновение надевать ее в ночные часы, чтобы не мерз подбородок. Что же касается этих вещей, которые у вас в руке, то вы их видите впервые, не правда ли? Еще бы!

И детектив неестественно расхохотался.

Мистер Хеблсуэйт понял, что со стороны он должен казаться подозрительнейшей личностью. После стольких обвинений он действительно начал чувствовать за собой какую-то вину. Из-за этого человека с солдатскими усами, у которого словно на лбу написано «детектив», он целый вечер чувствует себя виноватым.

— Итак?

— То, что вы сказали — как я попал сюда и все такое, — в общем почти правильно. И я в самом деле впервые вижу эти вещи, которые у меня в руке. Если хотите знать, их тут оставил другой человек.

— Продолжайте, — сказал детектив, иронически улыбаясь.

— Если вы думаете, что я жулик, то, как по-вашему, какого

дьявола я тут сижу? — спросил мистер Хебблсуэйт с некоторым раздражением. — И второе. Если вы такой умный, может, вы объясните, как я сумел запереть себя в этой комнате. Вы не могли не заметить, что дверь была заперта — вы же сами ее отперли.

Очевидно, это озадачило детектива, потому что он начал потирать подбородок.

— Что ж, послушаем, что вы расскажете.

Мистер Хебблсуэйт рассказал о том, как он воспользовался чужим приглашением, и дошел до знакомства со странным пожилым человеком.

Тут детектив прервал его.

— А-а, это дядя ее светлости, лорд Хорнихолд. Он, конечно, немного того... Знаменит своими кражами. Драгоценности ему не нужны, сами понимаете, но ему нравится красть их. Итак, вы последовали за ним сюда?

— Да, и вот часть его сегодняшнего улова, — сказал мистер Хебблсуэйт, — но лучшая часть уплыла, и как раз сейчас, пока мы разговаривали.

И он торопливо рассказал о приходе лакея в маске.

— Дело серьезное, — воскликнул детектив. — Я здесь затем и нахожусь, чтобы предотвращать такие случаи. Этим молодцов тут двенадцать, из них четверо новых, их специально нанимают для больших приемов. Умный жулик мог легко это сделать. И все одного роста, в одинаковых ливреях, да ваш еще был в маске. Вы его не опознаете. Конечно, если он здесь — хотя если он умен, он будет здесь.

— Я попробую опознать его, — сказал мистер Хебблсуэйт решительно. — Не говорите «нет», дайте мне просто поглядеть на них. И заберите эти вещи. Они мне не нужны.

Он передал драгоценности детективу.

— Только, пожалуйста, без фокусов, — сказал детектив предостерегающе. — Я ведь еще не видел вашего жулика в ливрее, не забывайте об этом.

Они тут же спустились в холл, где нашли восьмерых из двенадцати лакеев. Ни слова не говоря, мистер Хебблсуэйт быстро обошел вокруг них и отвел детектива в сторону.

— Видите вон того, возле статуи? Это он. Скажите дворецкому, чтобы он попросил его зайти в какую-нибудь маленькую комнату, и проверим, прав ли я.

Детектив подозвал к себе дворецкого, что-то шепнул ему, и дворецкий отправил этого лакея в маленькую приемную прислуживать двум джентльменам. Два джентльмена уже поджидали его там, и не успел он шагнуть через порог, как был схвачен.

— Попался! — воскликнул мистер Хебблсуэйт. — Теперь выверните-ка ему карманы.

Возможно, у детектива были свои недостатки, но выворачивать карманы он определенно умел, и через минуту на свет появилось ожерелье леди Гэрлок и другие пропавшие вещи. Револьвера не нашли — очевидно, похититель решил для большей безопасности избавиться от оружия. Вскоре его — тоже по соображениям безопасности — отправили в специально предназначенное для этого место.

— Один из новеньких, — пояснил детектив, — но настоящий жулик, и притом умный. По-моему, я его где-то видел. Но как вы умудрились опознать его?

— Не все провинциалы так глупы, как может показаться, — ответил мистер Хебблсуэйт. — Ну, слушайте, если вам интересно. Там, наверху, прежде чем он дошел до двери, я чуть-чуть задел его рукой, а в руке у меня случайно был кусок шоколада, который запачкал его куртку. На голубом шоколаде хорошо виден. Никто бы не заметил этого пятнышка, если бы не искал его, но я-то знал, что искать, и стоило мне обойти вокруг них, как я его нашел.

— Чистая работа! Ну, скажу я вам, вы меня избавили от больших неприятностей. Ее светлость быстро обнаружила пропажу ожерелья, но она думала, что его взял ее дядя, как и другие вещи. А этот хитрец позвонил наверх в кабинет его светлости в надежде, что тот оставит там свою добычу. Он, должно быть, все время следил за ним, прислуживая во время ужина. Знаете, вы здорово меня выручили, и если хотите, я представлю вас сейчас ее светлости и расскажу о том, что вы сделали.

— Боже избави, — воскликнул мистер Хебблсуэйт, — а вот если вы тоже хотите меня выручить, добудьте мое пальто и шляпу, выпустите меня отсюда и, когда я уйду, не впутывайте меня в эту историю. Хватит с меня высшего общества. Что-то оно не в моем вкусе.

— Извольте, — ответил детектив, — пусть будет по-вашему.

— Вот и отлично, — сказал мистер Хебблсуэйт, еще не понимая, что теперь уже ни один человек не поверит в его приключение на Парк-Лейн. — Выпустите меня потихоньку отсюда, и я побегу к себе. Если бы вы знали, как я хочу спать!

ТАКСИ И ЗВЕЗДА

Мистер Хебблсуэйт, агент по закупкам Ладденстальского кооперативного товарищества, отчаянно спешил — так спешил, что даже вознамерился взять такси. Когда житель Ладденстали или какого-нибудь другого городка в Западном Рединге решает взять такси, не будучи обременен багажом и не опаздывая на поезд, это значит, что положение у него отчаянное, поскольку в Ладденстале косо смотрят на человека, который разезжает в такси так, словно это автобус или трамвай. Вслед такому человеку качают головой, а затем, когда его постигает неизбежный крах, говорят, что «в худом кармане деньги не держатся». Но у мистера Хебблсуэйта — это признал бы любой ладденсталец — карман вовсе не был худой. И раз уж ему потребовалось такси, значит, этого настоятельно требовало создавшееся положение. Так оно и было, потому что у мистера Хебблсуэйта оставалось всего восемь минут, чтобы добраться до мистера Гринбаума, главы фирмы «Хаскинс и Гринбаум, оптовая торговля дамскими шляпами», причем мистер Гринбаум находился на Олдерсгейт-стрит, а мистер Хебблсуэйт — на Шафтсбери авеню.

Выл один из тех дождливых и слякотных дней, когда почти все лондонские таксисты (которые в хорошую погоду часами ждут пассажиров) потихоньку удирают домой и неожиданно предстают перед изумленными женами. Прошла минута, другая, а в поле зрения мистера Хебблсуэйта не появилось ни одного свободного такси. Стоя на краю тротуара, он окликнул две-три машины, но все они были заняты, а окликать занятые такси почему-то еще более унизительно, чем заигрывать с девушками, идущими на свидание. Машины пронеслись мимо, обдавая его водой и словно насмехаясь над ним. Мистер Хебблсуэйт, считавший, что он проявил невероятную предприимчивость, решив взять такси, был очень раздосадован. И куда вдруг исчезли вереницы пустых такси, которые он видел всякий раз, как приезжал в Лондон?

Наконец показалась одна машина; она ехала медленно, явно в поисках пассажира. Мистер Хебблсуэйт закричал и замахал рукой. Шофер заметил и свернул к тротуару. Но когда машина уже останавливалась, какой-то большеголовый коротышка в маленькой шляпе выскочил неизвестно откуда и стал впереди мистера Хебблсуэйта.

— Прекрасно, — сказал он шоферу. — Наконец-то.

— Эй, погодите, — сказал мистер Хебблсуэйт. — Он подъехал ко мне, а не к вам.

— Нет-нет, это мое такси, — ответил тот, властно взмахнув рукой (он, как видно, был очень властным человечком), и обратился к шоферу: — Ведь вы же подъехали ко мне, верно? Вы же меня знаете — я Виктор Крэнтон. Ну конечно, знаете. Я первый махнул вам рукой.

— Так точно, сэр,— ухмыльнулся шофер и открыл ему дверцу. Мистер Хеблсуэйт успел лишь издать протестующий возглас — Виктор Крэнтон проворно забрался в машину, крикнул шоферу адрес и укатил, оставив взбешенного мистера Хеблсуэйта ждать под дождем.

Он считал, что с ним поступили по-свински, и хотя шофер такси тоже не остался в стороне, настоящей свиньей был Виктор Крэнтон, большеголовый коротышка в маленькой шляпе. Имя показалось мистеру Хеблсуэйту знакомым. Уже опоздав теперь к Хаскинсу и Гринбауму, он погрузился в мрачные размышления об этом имени и о его обладателе, который сделал ему такую гадость.

«Пусть только мне представится случай,— сказал он воображаемому мистеру Крэнтону,— уж я с тобой посчитаюсь».

Едва ли можно было ждать такого случая в обозримом будущем, однако — так странно переплетаются дороги этой жизни — он представился мистеру Хеблсуэйту уже в следующий его приезд в Лондон. В первый же вечер он покинул свой маленький скромный отель в Блумсбери и вскоре оказался в роскошной и чудовищно дорогой квартире в Мейфэре. Хозяйкой этой квартиры была большая знаменитость — женщина, чье имя и лицо знала вся Англия и все восточные штаты Америки. И тем не менее едва мистер Хеблсуэйт появился на пороге, это прелестное и знаменитое создание бросилось к нему и запечатлело на его щеке крепчайший поцелуй, который он встретил совершенно спокойно.

Как бы ни влекла нас лаконичная и эффектная манера повествования, здесь нам, по-видимому, придется отступить от нее, поскольку и сам визит и поцелуй требуют немедленного объяснения. Дело в том, что встреча с Элли Мэрсен, звездой мюзик-холла и ревью, была лишь несущественной частью этого визита. Мистер Хеблсуэйт пришел в гости вовсе не к ней, а к Элис Мэрсен, уроженке Ладденстала и двоюродной сестре миссис Хеблсуэйт. Элис Мэрсен пошла на сцену, превратилась в Элли Мэрсен и после нескольких лет тяжелой работы и маленьких заработков внезапно пленила публику Вест-Энда теми самыми интонациями и жестами, которые прежде заставляли покатываться со смеху жителей Ладденстала. Вскоре Элли сделала головокружительную карьеру в мюзик-холле, ревью и кино. Ее никто не назвал бы красавицей, а ее коренастую, довольно плотную фигуру идеальной, но на сцене она сверкала как молния, была полна обаяния и юмора, а иногда трогала до слез. Ей никогда не платили меньше четырехсот фунтов в неделю, и любой театральный кассир в Лондоне и Нью-Йорке поручился бы, что она стоит всех этих денег до последнего пени. Кстати, теперь она была уже не Элис Мэрсен из Ладденстала и не мисс Элли Мэрсен с афиш, а миссис Ричард Хэйкрофт, супруга преуспевающего биржевого маклера и славного человека.

— Привет, Том, — воскликнула знаменитость, — наконец-то встретились! Выпить хочешь? Дик сейчас явится. Как Роза? — Это была ее двоюродная сестра, ныне миссис Хебблсуэйт.

— Она молодцом, — сказал мистер Хебблсуэйт. — И все остальные тоже.

— Ну, отлично. Как бы хотелось с ними повидаться! Почему ты не привезешь их сюда, Том?

— А почему ты сама не приедешь к нам? — парировал мистер Хебблсуэйт. — Это проще. Вас только двое, да и кошелек у вас по-толще.

В Ладденстале принято говорить откровенно, и великая Элли несколько не обиделась.

— Я думала об этом, — сказала она серьезно. — Так хочется снова поглядеть на старую лавку... Только когда это у меня получится? Я ведь только что вернулась из Америки — специально для нового шоу «Утки-селезни».

— Знаем, знаем, — сказал мистер Хебблсуэйт, — читали в газете. Теперь ведь нельзя развернуть газету, чтобы не наткнуться на твою фамилию. Мы уже слышать ее не можем. Я вот на днях встретил старого Джо Холмса... ты его помнишь?

— Еще бы! — воскликнула знаменитость, и лицо ее просияло. — Он однажды выставил меня из своей лавки.

— Ну, держу пари, что за дело. Ты была нахальным ребенком. Так вот, встречаю я на днях старого Джо, и он мне говорит: «Видать, в газете совсем уже нечего стало печатать, ежели они там находят место для всех этих глупостей про девчонку Джека Мэрсдена. И такое пишут — ну прямо английская королева и все тут». Вот оно как, Элли.

Она расхохоталась.

— Непременно надо повидать старика Джо. Интересно, а если я покажу ему язык, он снова выставит меня из лавки? Знаешь, Том, мне приходится очень много работать, и спрашивают с меня будь здоров, но мне это нравится... я жизнью довольна...

— Еще бы. Если уж ты не довольна, тогда кто же?..

— Я тебе скажу: Роза. Да, я знаю, что ты мне ответишь. Но Роза получила все, чего хотела: у нее есть ты и трое славных ребятшек... и она счастлива. Я это знаю. И я рада. Но я вот что начала говорить: я, конечно, довольна жизнью, хотя и работа трудная, и ответственность, и нервотрепка, и суета... а все же я частенько думаю: хорошо бы снова стать маленькой девочкой и идти по Мур-Лейн в грязном шотландском беретике на затылке и с большой дыркой в чулке. Вот когда жилось весело! Что ни говори, а у взрослых такой жизни не бывает. Правда, может, все было бы иначе, будь у меня дети... Знаешь, когда они перед глазами...

— Да, тогда совсем другое дело, — неуверенно сказал мистер Хебблсуэйт, несколько растерявшись от этого неожиданного для Элли прилива сентиментальности.

— Но на север мне сейчас никак не вырваться, — продолжала она более оживленно. — Только вернулась, сразу начались репетиции, и без передыха. Я прямо оттуда. Час назад сказала: «На сегодня с меня хватит» — и ушла, а они еще потеют. Знаешь, Том, я устала. А ты ругаешь Ладденсталльское кооперативное товарищество. Да по сравнению с моей работой это просто пикник.

— Зато и платят соответственно, — сухо сказал мистер Хеблсуэйт. — А вот и Дик! Привет!

— Привет, Том! Не выпить ли нам понемногу? А ты, Элли? — Дик Хэйкрофт налил себе и с широкой улыбкой посмотрел на жену и мистера Хеблсуэйта. — Что нового в Ладденстале, Том? Как торгуется?

— Пожалуй, лучше, чем год назад, — осторожно ответил мистер Хеблсуэйт, и минут пять они с Диком говорили о торговле.

— Ну, а как сегодня «Утки-селезни»? — спросил Дик у Элли. — Я сейчас видел в клубе вашего дирижера... забыл его фамилию, Эйкли, кажется... и он мне сказал, что сегодня все крикали просто замечательно.

— А я ушла с репетиции час назад... Я Тому только что говорила. Хватит с меня на один день!

— Ну и правильно сделала.

— И Виктор у меня в печенках сидит, — продолжала Элли. — Задавака несчастный! Решил, что я буду послушна, как овечка, а почему? Да потому, что я понимаю, как все это трудно, и тоже выкладываюсь, и не строю из себя «звезду с характером». Дела у него идут отлично, но он уж так раздулся от важности, что скоро придется расширять Шафтсбери авеню, а то застрянет.

— А кто он такой, этот Виктор? — поинтересовался мистер Хеблсуэйт. Его знакомство с театральным миром ограничивалось одной Элли.

— Вот это здорово, Элли! — воскликнул Дик. — Надо будет рассказать Виктору, пусть посмеется. Кто он такой? Ха-ха-ха!

— Спорим, что он сегодня к нам явится, — сказала Элли, сооротив гримаску, так хорошо знакомую тысячам зрителей. — «Только на две минуты, дорогая, только на две-е-е минуты. Самый занятой человек в Лондоне, дорогая».

— Виктор как живой! — И Дик зааплодировал.

— «Убегаю через две-е-е минуты. С июля некогда было присесть, дорогая. Великий Виктор Крэнтон».

— Его зовут Виктор Крэнтон? — вскричал мистер Хеблсуэйт.

— Ну да. И не притворяйся, будто ты никогда о нем не слышал. Если встретишься с ним, тогда — пожалуйста, ему это пойдет на пользу, но мне-то не втирай очки. Виктор Крэнтон сейчас в театре большой человек, и недавно он принял мудрое решение — пригласил меня в свое новое шоу «Утки-селезни».

— Она будет главной уткой, — вставил Дик.

— Слышать я о нем слышал, — мрачно произнес мистер Хеблсуэйт. — Только я не знал, кто он такой. Как он выглядит — большеголовый, а шляпа еле держится?

— Похоже, — ответила Элли. — У него теперь от важности голова стала еще больше, ясно, что он не нашел себе шляпы впору — таких размеров и в продаже нет. Но хватит о Викторе, я устала. Поговорим о чем-нибудь другом. Что нынче делается в конгрегационалистской церкви на Мур-Лейн?

Дик рассмеялся.

— Не смейся, глупый, — закричала Элли. — Я всегда ходила в эту церковь, Том не даст соврать. А когда мне было шестнадцать лет, я хотела поступить в хор, в группу сопрано, но старик Холстед меня не взял. А Том пел там в басовой группе. Он тогда был уже взрослый, с усами. И собой недурен... не красней, Том, это было давно... и мы строили ему глазки и толпились вокруг него на благотворительных базарах, но наша Роза всех опередила, потому что она была самая милая и хорошенькая. Помнишь, Том? Да помолчи ты, Дик. Два ладденстальца хотя спокойно потолковать. Правда, Том? Слушай, Дик, если ты не замолчишь, я завтра утром уеду в Ладденсталь.

Виктор Крэнтон и в самом деле зашел к ним в тот вечер. Он появился час спустя и, как и предсказывала Элли, сразу же сообщил, что может пробыть только две минуты. Будучи представлен мистеру Хеблсуэйту, он кивнул ему и больше его не замечал. Он немного поболтал и выпил с Диком, а затем обратился к Элли:

— Дорогая, я не могу больше у вас сидеть. Заглянул всего на две минуты. Оставил Робертсона работать с хором и с Джимми Дадли. Но почему вы вдруг ушли? Да нет, ничего страшного не случилось. Но я люблю, чтоб у меня спрашивались. Дисциплина и еще раз дисциплина. С репетиции никто не уходит без моего разрешения — никто, включая звезд и даже вас, дорогая. Только так и можно чего-то добиться. Помните, я пригласил в свое последнее шоу «Золотая подвязка» Стеллу Фрегерсон, но она в нем так и не выступала. И знаете почему, дорогая Элли? Между нами, разумеется. Она стала все делать по-своему, как будто меня вообще нет или я обращаюсь к кому-то другому. Пришлось с ней серьезно поговорить. Она сказала: «Я — Стелла Фрегерсон», я ответил: «А я — Виктор Крэнтон, и это мое шоу. Ну, так как, Стелла?» Она пригрозила уйти. Я сказал, что это блеф. И она ушла. Ну, конечно, дорогая, вы не Стелла Фрегерсон...

— Слава богу! — пробормотал Дик.

— ...Но такой уж у меня метод. Публика не может жить без большого шоу Виктора Крэнтона, она изголодалась по нему, и единственный способ утолить ее голод — это заставить всех — всех! — работать так, как я считаю нужным. И знаете, какие это дает результаты? Удивительные, дорогая, просто удивительные... вам это

известно. Ну, я побегал. Нет-нет, старина, мне больше не наливайте... я ведь только заскочил на две минуты перебраться словечком с Элли. Увидимся завтра в одиннадцать, дорогая.

— Может быть, — сказала Элли, загадочно улыбаясь.

Он погрозил ей пальцем.

— Ну-ну, Элли. Не дразните меня. И запомните: я бываю иногда деспотичным, но я добиваюсь результатов. Никакой путаницы, никакого беспорядка. Все, убегаю.

— Ну, что вы скажете? — спросила Элли, когда он ушел.

— Это он, — уверенно объявил мистер Хебблсуэйт. — Совершенно точно. Это он.

— погоди, Том, — воскликнула Элли. — Ты так говоришь, будто вы с Виктором уже встречались. А он тебя, кажется, не узнал.

— Он меня — нет. Зато я его хорошо узнал. Когда я был прошлый раз в Лондоне, он мне сделал большую гадость — во всяком случае, я бы назвал это именно так. Сейчас я вам все расскажу. — И он рассказал им историю с такси.

— Очень на него похоже, — заметила Элли, когда рассказ был окончен. — Хорошо бы ему тоже что-нибудь устроить.

— Я сам одно время об этом думал, — сказал мистер Хебблсуэйт.

— Послушайте... — Элли положила руки мужчинам на плечи, и все трое сразу стали похожи на заговорщиков. — Что тут можно сделать? Стойте, стойте! А что если...

Теперь представьте себе мистера Виктора Крэнтона на следующий день у телефона.

— Алло, алло! Это квартира миссис Хэйкрофт? Можно ее к телефону? Мистер Крэнтон, мистер Виктор Крэнтон. У меня очень срочное дело. Я сказал: срочное. Мне необходимо поговорить с ней. Да, конечно. Я подожду. Только поскорее. Я сказал: поскорее. Алло! Алло!! Нет, я не кончил. Оставьте нас в покое. Алло! Это вы, Элли? Послушайте, дорогая, что случилось? Вы собираетесь... что?! Но это невозможно. Дорогая, вы сошли с ума. Ну хорошо, отдохните сегодня и завтра. Я понимаю, вы устали, в этом все дело. Вы хотите отдохнуть. Я вас замучил. Что? Элли, вы не можете сделать этого. О, вы же понимаете, что я хочу сказать. Конечно, вы можете, если захотите, но смотрите, к каким последствиям это приведет. Все шоу развалится. Нет, Элли, вы не сделаете этого. Вы шутите, дорогая. У вас нет такого намерения. Послушайте, сейчас я к вам приеду. Всего на две-е минуты. Я должен вас видеть.

Следующая сцена, очень короткая, но полная драматизма: расстроенный мистер Виктор Крэнтон является к мисс Элли Мэрсден и узнает, что мисс Мэрсден не может его принять. Горничной приходится повторить это раз десять; мистер Крэнтон уходит, изрыгая дым и пламя.

Теперь мы снова видим мистера Виктора Крэнтона у телефона. Действие происходит на следующий день после его неудачной попытки увидеться со своей ведущей актрисой. На этот раз он звонит ее мужу.

— Хэйкрофт, старина, я вынужден звонить вам. Насчет Элли. Да, насчет Элли. Я не могу добиться от нее ни слова, не могу встретиться с ней, не могу поговорить с ней. Что все это значит? Что-о-о? Куда? В Ладденсталь? Зачем ей понадобилось туда ехать? Нет, она сошла с ума. У нас премьера на следующей неделе. Я говорю: у нас премьера. Она меня погубит. И себя! И всех нас! Это самоубийство. Это убийство. Послушайте, надо что-то сделать. Вы не можете ее уговорить? Да ну, я уверен, что можете. Не можете? Кто? Кто он такой? Ее кузен? Понятно. Она собирается там остановиться. Фамилия? По буквам. Х-е-б-б-л-с-у-э-й-т. Да, понял. Где он остановился? Ясно. Хорошо, я попробую его убедить. О боже, уж как-нибудь я это сделаю. Спасибо за совет!

Ничем не примечательный провинциал по фамилии Хебблсуэйт, остановившийся в довольно дешевом отеле в Блумсбери, неожиданно стал для великого Виктора Крэнтона самым важным в Лондоне человеком. Этому Хебблсуэиту звонили по телефону, но не могли его застать. Ему послали письмо по почте, потом другое письмо с курьером. Наконец сам мистер Крэнтон прибыл в отель и потребовал встречи с мистером Хебблсуэитом. По просьбе последнего встреча состоялась в его маленьком и холодном номере, каких мистер Крэнтон не видывал уже много лет. Мистер Хебблсуэйт оказался невероятно трудным человеком: он не пожелал ни пообедать, ни даже выпить с мистером Крэнтоном. Он вообще никуда не хотел выходить из своего холодного маленького номера. С таким человеком, да еще в таких апартаментах Виктору Крэнтону нелегко было проявить свое обаяние, но он старался изо всех сил.

— Мне кажется, вы не вполне понимаете, мистер Хебблсуэйт,— сказал он серьезно,— что это значит для меня и для тех, кто меня финансирует. Мисс Элли Мэрсден, как вам известно, наша звезда. Я все не хочу сказать, что она — это все шоу, нет, но она играет в нем значительную роль, и мы не можем без нее обойтись. Без нее мы даже не можем как следует репетировать. Я уже не говорю о премьере — без Элли она просто немыслима. А если мы будем ее откладывать, каждый потерянный вечер означает несколько сотен фунтов убытка. Вы сами деловой человек, вам не надо объяснять, что это такое.

Мистер Хебблсуэйт молча кивнул. Он не признался бы ни за что на свете, но эта смесь обаяния и серьезности начала на него действовать.

— Если бы мисс Мэрсден заболела, тогда дело другое,— печально продолжал мистер Крэнтон.— Нам пришлось бы огорчить публику. Тут уж ничего не поделаешь. Но она не больна. Это просто каприз. И от Элли Мэрсден я этого совершенно не ожидал. Она славится тем, что никогда не подводит своих импресарио и публику, не то что другие

звезды. Она ведь из Йоркшира и умеет держать слово. Послушайте, мистер Хебблсуэйт. Дик Хэйкрофт говорит, что она решила уехать, потому что ей захотелось побывать у вас и миссис Хебблсуэйт... э-э... Ладденстале. Очень хорошо. Все мы любим навещать родные места. Но вы понимаете, что сейчас не время уезжать. Это нечестно. Это значит веселиться за чужой счет. Дик Хэйкрофт думает, что вы могли бы уговорить ее остаться. Что вы на это скажете, мистер Хебблсуэйт?

— Что я на это скажу? — повторил тот с непроницаемым видом.

— Если вы это сделаете, я вам буду бесконечно благодарен, — продолжал убеждать его мистер Крэнтон. — Вот что, мистер Хебблсуэйт, сделайте это для меня, и вы получите целый ряд в партере на премьеру «Уток-селезней». Понятия не имею, где я его возьму... потому что, должен вам сказать, премьера Виктора Крэнтона всегда большое событие... но он у вас будет. Целый ряд кресел, если вы пожелаете.

Услышав в голосе мистера Крэнтона знакомые самодовольные нотки, мистер Хебблсуэйт снова стал мрачен и неумолим.

— Нет, оставьте себе эти кресла. Ваше шоу меня не интересует. Я не стал бы его смотреть, даже если бы мне приплатили — ни на премьере, ни в другой раз.

— Что? — с неподдельным ужасом спросил мистер Крэнтон.

— А зачем мне его смотреть? Элли Мэрсден смешила меня лет двадцать, задолго до того, как вы ее в первый раз увидели, так что это мне не вновь, а все прочее, что там у вас есть, можете взять себе.

Мистер Крэнтон в отчаянии уставился на этого варвара.

— Хорошо, — сказал он наконец, сляясь улыбнуться, — в таком случае не могу ли я еще чем-нибудь быть вам полезен? Э-э... погодите-ка...

— Сейчас я вам кое-что скажу, — мрачно произнес мистер Хебблсуэйт. — Я приезжаю сюда по делам, и, случается, мне нелегко бывает добраться из одного конца города в другой. Последний раз, когда я был здесь, почти все время шел сильный дождь; как-то вечером я очень спешил и не мог найти такси. Наконец я нашел машину и уже собирался сесть, как вдруг какой-то тип проскочил вперед мимо меня и сказал, что это его такси; а поскольку шофер знал его имя и знал, что он человек состоятельный, этот тип спокойно сел в такси и оставил меня с носом. — Произнеся это, мистер Хебблсуэйт так сурово посмотрел на своего собеседника, что стало совершенно очевидно, кто был похититель такси.

— Друг мой, вы хотите сказать, что это сделал я? Но я вовсе не думал... Мне, право же, очень жаль.

— Мне тогда тоже было очень жаль, — сказал мистер Хебблсуэйт.

— Честное слово, мистер Хебблсуэйт, я понятия не имел, что так вас обидел. Вы не рассказывали об этом Элли? Ах, рассказывали. Вот где зарыта собака. Мистер Хебблсуэйт, я не знаю, сколько вы еще должны

пробыть в Лондоне, но даю вам слово, что все это время в вашем распоряжении будет машина.

— Мне не нужна машина,— заявил мистер Хебблсуэйт.— Вы увели у меня такси, так что о нем и будем говорить.

— Пожалуйста, пусть будет такси.

— Нет, не одно такси. Одно тут же могут перехватить. Я сам видел, как это делается. С вашего разрешения, пусть у меня будет пять такси.

— Пять! Но зачем вам столько? Вы же не можете ехать сразу в пяти такси!

Мистер Хебблсуэйт усмехнулся.

— Я поеду в среднем, а спереди и сзади будет еще по два. И если вы, мистер Крэнтон, позаботитесь о том, чтобы утром у меня было пять такси и чтобы я мог ими пользоваться все время, пока я в Лондоне, обещаю вам, что больше у вас не будет никаких волнений из-за мисс Элли Мэрсден.

Мистер Крэнтон захлопал в ладоши.

— Отлично! По рукам! Вы получите утром пять такси, мистер Хебблсуэйт. Они будут ждать возле отеля в... ну, скажем, часов в десять? Хорошо. А теперь как насчет Элли?

— Пойдемте вниз — я сейчас ей позвоню и все улажу,— покровительственно сказал мистер Хебблсуэйт. Он вышел первым и не увидел улыбки, которая появилась на широком умном лице мистера Крэнтона. Если бы он видел эту улыбку, он, вероятно, торжествовал бы меньше.

Телефонный разговор со звездой быстро дал желаемый результат; мистер Хебблсуэйт и мистер Крэнтон обменялись рукопожатиями.

— Пять такси, а? — посмеиваясь, сказал последний.— Забавная мысль. Поздравляю вас. Ну, я побежал. Мне тоже пришла в голову одна мысль. Когда вы завтра утром выйдете в окно, ваши пять такси уже будут на месте.

И они были на месте. Мистер Крэнтон сдержал слово, но, будучи прирожденным мастером эффектных зрелищ, сумел сделать это с большой выгодой для себя. После вышеприведенной непродолжительной беседы между мистерами Хебблсуэйтом и Крэнтоном на рекламного агента «Уток-селезней» свалилась целая куча поручений. Агент, связанный множеством нитей со всеми концами Лондона, энергично принялся за дело, и никому не известный отель в Блумсбери благодаря мистеру Хебблсуэйту неожиданно оказался в центре внимания.

Спустившись вниз, мистер Хебблсуэйт обнаружил пять поджидавших его такси, а вместе с ними и многое другое. В холле сидели шесть репортеров, и все они жаждали услышать его «историю». Тут же были четыре газетных фотографа и два кинооператора, готовые запечатлеть тот момент, когда он проследует к среднему такси

и прикажет трогаться. Было и сотни две зевак, привлеченных этим скоплением такси и репортеров, и, наконец, трое полицейских и сержант, которые сдерживали толпу у входа в отель. Словом, ладденстальский провинциал получил некоторое представление о том, что значит в Лондоне слово «реклама».

Он вырвался из кольца репортеров, не отвечая на их вопросы, и сердито уставился на множество такси, кинокамер, полицейских и зрителей, стоявших перед центральным подъездом.

— Вы будете мистер Хебблсуэйт? — спросил хриплым голос. Он принадлежал главному из пяти таксистов.

— Да, я, — сказал мистер Хебблсуэйт. — И вы мне не нужны. Кто я такой, по-вашему? Мэри Пикфорд? Я не собираюсь выставлять себя на посмешище. А ну, убирайтесь!

Они ушли, но камеры все-таки щелкнули, и репортеры мысленно сделали несколько заметок. И если мистер Хебблсуэйт воображал, что, не воспользовавшись ни одним из пяти такси, он сумеет остаться в тени, он жестоко ошибался. Машина пришла в движение, и он уже не мог ее остановить. Фотографам было дано задание привезти снимки, и они их привезли. Репортерам было дано задание добыть «историю» мистера Хебблсуэйта, и они добыли ее. Они ничего не сумели выжать из самого мистера Хебблсуэйта, но к их услугам был рекламный агент Виктора Крэнтона, чьей информацией они могли воспользоваться и воспользовались. Мистер Хебблсуэйт фигурировал в тот же день в двух вечерних газетах и на следующий день в трех утренних, да еще с фотографиями. История, рассказанная газетами, была забавной, но героем ее стал Виктор Крэнтон. Мистер Хебблсуэйт, человек, отказавшийся отвечать на вопросы журналистов, играл в ней довольно глупую роль.

— Что-то не похоже, чтобы я свел счеты с вашим Крэнтоном, — сказал мистер Хебблсуэйт мисс Элли Мэрсден. — Пожалуй, он сам надо мной посмеялся.

— Да, Виктор кого хочешь обставит, — заметила звезда. — Конечно, характер у него неважный, зато голова — дай бог каждому. Но ты не волнуйся, Том: если я приеду в Ладденсталь, я буду молчать как рыба.

— Э-э, девочка, какая разница? Держу пари, что им уже сейчас все известно, — сказал мистер Хебблсуэйт. Он знал свой Ладденсталь.

МОИ ДЕБЮТ В ОПЕРЕ

Я принадлежу к числу очень немногих писателей, выступавших в Бичемской оперной труппе. Правда, пение не входило в мои обязанности, хоть я и пел. Правда и то, что я выступал в этой труппе всего один вечер. Меня не приглашали выступить снова, но, с другой стороны, я и не напрашивался на новое приглашение. Одного раза было вполне достаточно, ибо мое честолюбие не распространяется на оперу; но теперь никто уже не скажет, что я не выступал в опере, точно так же, как нельзя сказать, что я не бывал в Африке — при мне мой вечер с Бичемской труппой и мой полдень в Алжире.

Время действия — десять лет назад, весна 1919 года. Место действия — провинциальный город. Я только что вернулся с Великой Войны, как теперь называют это мрачное, бесконечное, отвратительное чередование героизма и скуки. Я пишу статьи и обозрения для местной газеты по гинее за столбец. На одной из главных улиц города я неожиданно встречаю старого однополчанина, и мы с ним принимаем по четверти пинты — вернее, это он потом весьма приблизительно определяет выпитое каждым из нас как «четверть пинты». Тут выясняется, что на этой неделе он работает в Бичемской оперной труппе. Я вспоминаю, что он постоянно подвизался в местных театрах. Я сам видел его в ролях восточного слуги, полицейского, присяжного, лесничего и в роли епископа в «Ричарде Третьем». Поистине жалкой бывала неделя в нашем театре «Ройял», если он не появлялся на сцене в качестве того или иного лица без речей. Сегодня он с пятью приятелями занят в «Ромео и Джульетте» Гуно. Я не самый большой поклонник этой оперы. Слушать ее у меня нет особого желания, но выступить в «Ромео и Джульетте» я бы не отказался. Я даже выражаю готовность — так нетерпеливы, так опрометчивы мы, любители — отдать плату за вечер (целых два шиллинга шесть пенсов) человеку, чье место я займу. Я должен подойти к театру в семь тридцать и ждать моего однополчанина у служебного подъезда.

И вот я там, и он там, и мы оба, бросив последний взгляд на толпы ожидающих зрителей, входим в служебный подъезд. Мы поднимаемся по лестнице, потом спускаемся по лестнице, потом идем по стольким коридорам, что я окончательно теряюсь. Наконец мы добираемся до костюмерной, где жарко, как в печке, что вполне естественно, ибо она расположена, по-видимому, где-то возле центра земли. Здесь висит одно большое зеркало, стоят несколько больших театральных корзин, неистребимый запах грима и один унылый маленький человечек без пиджака. На стене предупреждение: КУРИТЬ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ. Мы все тут же закуриваем — все, кроме маленького человечка, который уже курил, когда мы вошли, и, кажется, курит без перерыва по меньшей мере лет сорок. Он открывает одну из корзин и начинает бросать нам костюмы.

Мне достается черно-желтый камзол и трико — одна штанина черная, другая в черную и желтую полоску; теперь я похож на толстую осу. Человекек принимается за наши лица и в каждое по очереди втирает красную и коричневую краску. Потом мы надеваем коричневые или черные парики, густые и коротко подстриженные, и венчаем их небольшими круглыми шляпами наподобие тех, что носят стражники в Тауэре. В парике очень жарко, и шляпы через него не чувствуешь. Но мало этого — нам вручают длинные, чуть не трехметровые пики. Мы, оказывается, городская стража Вероны, и я не сомневаюсь, что мы выгладим как надо, а может быть, даже лучше, чем надо. Мы все служили в армии, и держу пари, мы в два счета разогнали бы настоящую городскую стражу Вероны, а заодно Виченцы и Падуи. Только не с этими пиками, конечно. В провинциальном театре во время спектаклей такой большой оперной труппы, как Бичемская, за сценой трость негде поставить, не говоря уже о шести трехметровых пиках. Когда мы тащим свои пики по лестницам и коридорам, Монтеки и Капулетти дружно осыпают нас проклятиями. «Чума на оба ваши дома!» — бормочем мы, тщетно стараясь расцепиться.

Мы добираемся до кулис. Опера началась, но мы еще некоторое время не заняты. Мне кажется, что нужна невероятная смелость, чтобы выйти на эту ярко освещенную площадку, однако я вижу людей, которые пробегают туда и обратно, даже не повернув головы. Меркуцио или какой-то другой бородастый кавалер взмахивает руками, берет верхнюю ноту, затем возвращается в кулису и закуривает. Но вот нас собирают. Помощник режиссера замечает наше существование. Я никогда не встречал человека более беспокойного вида. Все, что он делает, — это одна последняя отчаянная попытка. Каждый вечер он умирает сотней смертей. Он хватается пик и показывает нам, как ее надо носить.

Наши обязанности, объясняет он, просты. Мы появляемся на сцене дважды. В первый раз мы выходим, стоим, уходим обратно. Ничего не может быть проще, хотя он явно не верит, что для нас это окажется просто. Будь мир таким, каким он представлял его себе, идя в помощники режиссера, это было бы просто. Теперь же он несколько не удивится, если мы гордо обойдем сцену, протыкая декорации своими пиками. Он единственный нормальный человек в этом сумасшедшем мире. Но вот приближается решительный момент. Все больше и больше людей с шумом теснится к выходу на сцену. Наконец, кроме нас, в кулисе никого не остается. Пора? Да. События в Вероне достигают кульминации. Что же делать? Только одно: позвать городскую стражу. Но придет ли городская стража? Она придет. В это время стражники, опасливо неся свои шесть пик, пробираются по узенькому проходу между задником и стеной, чтобы появиться в центральной арке. Мы появились. Нас не встретили аплодисмента-

ми; никто не обратил на нас внимания — ни на сцене, ни в зале, — но мы мужественно проделали все, что должны были проделать. Мы вышли, постояли и ушли обратно. Половина оперы была спасена. Вернувшись за кулисы, я услышал гром аплодисментов и мысленно полюбопытствовал, адресована ли часть их нам и говорят ли зрители друг другу: «Соллисты и хор — так себе, но городская стража превосходна, особенно третий, с черной штаниной». А что было бы, если бы я вышел на поклон вместе с Ромео и Джульеттой? Я вижу, как стою между ними с пикой в руке и грациозно раскланиваюсь. Однако я возвращаюсь в нашу подземную костюмерную вместе с остальными. Маленький человечек по-прежнему здесь и погружен в еще более глубокие уныние. Наверное, он был здесь всегда. Может быть, театр был построен вокруг него.

Скоро наш второй и последний выход. Мы опять за кулисами, и помощник режиссера, теперь совершенно безнадежно, как человек, смирившийся со своей судьбой в этом идиотском мире, дает нам указания. В наши действия будет внесено восхитительное разнообразие. На сей раз нам предстоит выйти, р а с т я н у т ь с я, остановиться и уйти обратно. Раньше зрители видели нас как плотную массу, теперь мы предстанем перед ними разбросанными группами. Потом, несомненно, будет много разговоров: некоторым хотелось бы большей монолитности, других приводит в восторг именно эта разбросанность, при которой индивидуальные черты, например, черная штанина, красиво обтягивающая ногу, становятся более выпуклыми.

Вот наконец и вторая большая сцена. Собралась вся Верона. Мы сдвигаем шляпы набок, хватаем пики и идем, величественно р а с т я н у в ш и с ь. Мне достается почетный пост. Я стою на страже у самых церковных дверей, точнее — между этими дверями и рампой, до которой меньше метра. Я стою изящно и непринужденно. Я размышляю о том, что будет, если я уроню мою пику, в которой теперь уже, кажется, не три метра длины, а все десять. Не вышибет ли она мозги музыканту, играющему на английском рожке внизу, в траншее? Им там тоже хватает дела. Я всех их хорошо вижу. Я вижу ряды лиц в партере и в ярусе. Хористы поют, и я подхватываю, обнаружив, что Гуно мне вполне по силам. Может быть, глупо, что стражник, стоящий на посту с пикой, запел, но это ничуть не глупее, чем когда поет любой другой. Действие развивается. Я чувствую сильное желание уронить свою пику или еще каким-нибудь образом принять более заметное участие в происходящем. Почему скромный городской стражник — скажем, тот, с черной штаниной, — не может вдруг сделаться героем «Ромео и Джульетты»? Или почему мы, копьеносцы, не можем взять на себя руководство событиями и для начала очистить сцену? Вот было бы веселье! А что если

послать в дирекцию записку с требованием выдать нам по пять фунтов на каждого и угрозой в случае отказа очистить сцену силой оружия. В конце концов мы вынесли оперу на своих руках. Сверх того, мы несли наши пики, и что касается меня, то мне моя надоела. Ну вот, кончилось. По крайней мере настоящая опера кончилась — та часть, в которой действуют копыеносцы, хотя там кое-что еще осталось доделать Ромео, Джульетте и другим, мелким персонажам. Мы возвращаемся в недра земли, волоча пики по полу, бросаем черные и желтые трико и стриженные парики унылому маленькому человечку, моемся, одеваемся, получаем свои деньги и отправляемся пить пиво.

Таков был мой дебют в опере, состоявшийся десять лет назад. Я ничего не выдумал, ничего не преувеличил и не приукрасил; и все же я не жду, что мне поверят.

У МЕНЯ БЫЛО ВРЕМЯ

Я выбрал это название по двум причинам. Первая: в течение последних тридцати лет сотни людей говорили мне, что они могли бы написать хороший роман, пьесу, книгу очерков, будь у них время. Ну что ж, у меня было время.

Вторая причина глубже. Нам часто кажется, что мы находимся вне нашего времени и лишь удивленно поглядываем на него со стороны, но это все, чем мы более или менее реально располагаем. Кем бы мы себя ни считали — бессмертными душами, лишь ненадолго отправленными сюда в изгнание, или говорящими млекопитающими, превзошедшими обезьян по умственному развитию и уже почти готовыми перенести земной беспорядок и отчаяние на какую-нибудь другую планету, — наше время — это все, что у нас есть на Земле. Для каждого из нас через сколько-то дней, часов и минут навсегда померкнет солнечный свет и исчезнут шансы на успех. Если ввести необходимые данные в компьютер, он в одно мгновение ответит, когда именно это произойдет. (Похоже на то, что наши правнуки будут чем-то вроде придатков к компьютерам; уже сегодня многие ИТР предпочитают компьютер человеку.) Нередко мы что-то откладываем, думая: «Это я еще успею», что-то не доводим до конца, но представляем мы собой только то, что мы сделали со своим временем. Мы неотделимы от него.

Маленький и уязвимый, затерянный в безграничных просторах вселенной (то ли еще расширяющейся, то ли уже достигшей предела), Человек все же надеется и мечтает. Но его смелое и вызывающее чувство иронии прекраснее этих надежд и мечтаний. И если нет богов и некому наслаждаться им вместе с нами, тем хуже для остального мира. Ибо здесь, на Земле, из аминокислот научились выделять спирт — иронический спирт. И пусть шестидесятипятилетнему английскому писателю не ставят в вину пристрастие к этому особому виду алкоголя (я бы назвал его интеллектуальным виски). Я говорю — английскому писателю, а не шотландскому, валлийскому, ирландскому, потому что в Англии на писателя смотрят с подозрением. Для одних это человек, который вечно норовит куда-нибудь улизнуть и может работать только из-под палки; для других — сомнительный тип, на три четверти шарлатан, а на четверть черный маг. Я дал ему шестьдесят пять лет, потому что сам нахожусь в таком возрасте — уже не молодое дарование, но еще не восьмидесятилетний Великий Старец, а просто пожилой надоедливый человек, который слишком долго бродит по свету. Так что я, пожалуй, закажу еще рюмочку иронического — перед дорогой не помешает.

Из книги «Воспоминания и размышления писателя» (1962).

Сравнительно недавно я выпустил в свет большую книгу — «Литература и человек Запада», которая далась мне с невероятным трудом. Пресса встретила ее хорошо, не могу пожаловаться. Но лет сорок назад, когда я учился в Кембридже, я опубликовал с помощью местных книготорговцев Боуза и Боуза маленькую книжку под названием «Веселая смесь». Она была встречена еще лучше — если не за свои достоинства, то за краткость. О ней писали ведущие критики во главе с Эдмундом Госсе. Она получила такую прессу, о которой начинающей автор может только мечтать. С первого выстрела — прямо в яблочко! Как человек, выигравший на игральном автомате, я приготовился загребать деньги обеими руками. Я ждал славы, хотя бы намек на славу, — взрыва читательского интереса, быстрых переизданий, — но ничего этого не было. (Прошло несколько лет, прежде чем разошелся первый небольшой тираж.) Моя карьера началась с самого настоящего провала.

Может быть, это объясняет, почему я с тех пор ко всему отношусь подозрительно, никогда не благодарю с улыбкой свою счастливую судьбу и делаюсь мрачным и нелюбезным, едва кто-нибудь произносит: «Ваш необыкновенный успех». Я всегда ненавижу это громкое театральное слово, встречающееся в каждой телеграмме с поздравлениями по случаю премьеры. Журналисты обычно спрашивают об успехе так, словно это что-то совершенно конкретное и осязаемое — например, кусок молочного шоколада, огромный, как грузовик. В наше время писатель может думать об успехе или неудаче какого-то своего произведения, но никогда, если он не законченный обыватель, он не думает о своей жизни и творчестве с точки зрения успеха.

Итак, после выхода «Веселой смеси» я еще был в Кембридже. Как бывший военнотрудовой, я получал стипендию, но ее не хватало, и мне приходилось подрабатывать — писать, давать уроки и читать лекции, за которые платили одну-две гинеи. В конце второго года, незадолго до получения степени, я женился и стал главой семьи со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Мне уже было двадцать семь лет — столько времени пропало в армии.

Мне продолжали платить стипендию, и я остался на третий год, выбрав для исследования тему: как свести концы с концами. Но что дальше? У меня была возможность заняться преподавательской работой за границей, но все в таких маленьких и отдаленных странах, что их валюта никогда не фигурировала в курсовых бюллетенях «Таймса» и я не мог понять, сколько мне будут платить. Тогда я предложил свои услуги в качестве лектора на курсах повышения квалификации. Я прочел пробную лекцию директору курсов, дородному человеку, с трудом перевозмогавшему зевоту, и шестерым мрачного вида рабочим и, к своему удивлению, — ибо лекция

оставляла желать лучшего и директору я не понравился,— был принят. Вскоре мне сообщили, что с осени я могу начать свою лекторскую работу, и отвели огромный район в Северном Девоншире. Но еще до окончания летнего семестра я отбросил все мысли о постоянной службе — дома в Брэдфорде это было встречено крайне неодобрительно — и решил отправиться в Лондон и стать свободным художником. У меня была жена, скоро мог родиться ребенок, а весь наш капитал составлял ровно пятьдесят фунтов.

Сегодня на рекламных плакатах я часто вижу очень молодых людей — моложе, чем был я в 1922 году,— которые недоверчиво смотрят на тех, кто предлагает им работу, и спрашивают: «А гарантирует ли эта работа хорошую пенсию?» Должен сказать, что я не принимаю всерьез этих молодых людей, которые заботятся о пенсиях и пышных похоронах, еще не начав работать. Подозреваю, что они существуют только в мире рекламной мифологии, где целые семьи сияют от радости, узнав о появлении нового кекса в порошке или слабительного. (Политики теперь наполовину живут в этом мире и только наполовину — в нашем.) Я глубоко убежден, что любой, даже самый безумный проект — пусть его осуществление связано с лишениями и опасностями, а шансы на успех более чем сомнительны,— мгновенно соберет толпы молодых людей, желающих попытаться счастья, и прежде всего молодых людей, приходящих в себя после нашей системы высшего образования. Итак, не подумайте, что я становлюсь в знакомую хвастливую позу человека, всем обязанного только самому себе, когда вспоминаю, как я безработный поехал в Лондон. Я просто констатирую факт.

В начале двадцатых годов молодому писателю жилось легче, чем теперь. Однако тут необходимо кое-что уточнить. Действительно, теперь можно заработать больше денег — в кино, на телевидении, на радио,— но при этом молодой писатель рискует попасть в западню. А тому, кто попал в нее, кто уже начал тратить больше, чем позволяет налоговый инспектор, становится все труднее взяться за ту работу, которой он прежде собирался посвятить себя. (Этим, вероятно, и объясняется то, что в послевоенной Англии крупномасштабные литературные произведения стали редкостью. В Америке дело обстоит лучше — там существуют различные субсидии, премии, стипендии.) Мое поколение — то, что от него осталось — было счастливее: мы могли зарабатывать на жизнь рецензиями, критическими статьями, очерками, рассказами — всему этому тогда отводилось в десять раз больше места, чем сегодня. Нам не угрожало превращение в борзописцев, литературных ремесленников, которого мы так страшились. Да и оплачивался труд писателя и журналиста в то время гораздо выше, если учесть тогдашнюю и нынешнюю покупательную

способность фунта. (Я мог бы для наглядности привести цифры, но они только отпугнули бы тех читателей, по мнению которых писатели должны быть вне экономики, питаться нектаром и пить птвичье молоко.) Конечно, работать мне приходилось за двоих, я сутками не вставал из-за письменного стола, зато я не только решил проблему хлеба насущного, но даже сумел выдержать хотя бы в материальном отношении долгую и неизлечимую болезнь моей жены.

В Лондоне мне больше всех помог Дж. Скуайр, в то время заметная фигура в литературном мире. Нас познакомил еще в Кембридже мой друг поэт Эдвард Дэвисон. Помню, что знакомство наше началось со спора — короткого, но ожесточенного. Может быть, этот спор произвел на него впечатление; впрочем, едва ли. Может быть, Скуайр увидел во мне потенциального критика и эссеиста, сурового, как Сэмюэл Джонсон, но главной причиной, заставившей его предложить мне сотрудничество в своем «Лондон Меркьюри», упоминать обо мне в разговорах с литературными редакторами и издателями и ввести меня в свой дом, где я, наверное, выглядел очень растерянным, хотя особой растерянности не чувствовал,— было, скорее всего, желание помочь демобилизованному пехотинцу.

Скуайр направил меня к Роберту Линду, литературному редактору газеты «Дейли ньюс», для которой я впоследствии написал множество рецензий. Линд, тонкий критик и эссеист, был совершенно лишен честолюбия; от случая к случаю он писал небольшие статьи и удовлетворялся этим, избегая тяжелого уединенного труда, которого требует любая книга. У Линда был чудесный характер, и в его обществе я более двадцати пяти лет «время проводил беззаботно, как, бывало, в золотом веке»¹; в конце концов ухо привыкало к его ирландскому бормотанию, и приятная беседа, приправленная виски, длилась часами. Из множества писателей, которых я знал, самыми восхитительными людьми и собеседниками были Роберт Линд и Уолтер Деламар. (В те первые годы моей лондонской жизни я часто ходил в дом Деламара на Анерли играть в шарады. Наверное, я пошел бы играть в шарады даже теперь, если бы меня пригласили; но никто не приглашает — нам некогда, мы все очень заняты.) И это вовсе не преувеличение, как может показаться; когда речь идет о Линде и Деламаре, никакая похвала не будет чрезмерной. Писатели редко бывают интересными собеседниками. Обычно они молчаливы и погружены в себя. Если они не преуспевают, они озлоблены и желчны. Если к ним относятся серьезно, они относятся к себе еще серьезнее и делаются самодовольными и напыщенными, как государственные мужи. Писательство, бесспорно, должно быть причислено к вредным профессиям; оно изматывает и поглощает тебя всего без остатка.

¹ Перефразированная цитата из комедии Шекспира «Как вам это понравится» (перевод Т. Щепкиной-Куперник).

Часами сидишь один, как паук, и ткешь свою паутину. Творческий процесс может идти прекрасно, но переносить его результаты на бумагу — тяжкий труд. Художники и скульпторы, использующие разнообразные материалы и приспособления, работают веселее и лучше умеют отдыхать. Актеры, способные на два-три часа забыть о театре, куда приятнее в обществе, чем большинство писателей. Это распространяется и на музыкантов — за исключением дирижеров, считающих, что в музыке им принадлежит главенствующая роль, а Бетховену второстепенная. Пусть это послужит предостережением для тех читателей — такие еще есть, — которые мечтают познакомиться со своими любимыми писателями: их ждет разочарование.

Тот же Скуайр рекомендовал меня Джону Лейну, главе издательства «Бодли Хед», которому был нужен внутренний рецензент. (Тогда требовались рецензенты и мусорщики; теперь эти люди называются «литературными консультантами» и «техническим персоналом».) Раз в неделю я проводил утро на Виго-стрит, выбирая из самотека рукописи, заслуживающие внимания, и возвращая авторам тысяче-страничную историю Иерусалима, написанную белыми стихами, или какие-нибудь воспоминания о жизни в Стокпорте. Остальное я делал дома, закончив свои собственные дневные труды. За это мне платили шесть фунтов в неделю — неплохой постоянный заработок для 1923 года, когда обед из семи блюд стоил в Сохо полкроны¹. Читал я быстро и нетерпеливо, но все же не помню, чтобы я хоть раз отверг рукопись, которая позднее, в руках других издателей, стала заметной книгой; в частности, я рекомендовал к печати первые романы Грэма Грина и Сесила Скотта Форстера. (Однако потом некоторые из этих начинающих авторов, в том числе Грин, предпочли дебютировать в другом месте.)

Когда я познакомился с Джоном Лейном, ему было, наверное, всего на год-два больше, чем мне сейчас. Он показался мне настоящей древностью: бородатый, маленький, сморщенный, подслеповатый (он видел так плохо, что уже не мог читать). Речь и манерой держаться он напоминал скорее отставного дипломата или богатого дилетанта, растратившего свое состояние, чем всемогущего издателя. Этот человек, ставший символом девяностых годов, был сыном мелкого девонширского фермера; он приехал в Лондон и в течение восемнадцати лет работал клерком на железной дороге. Многие ли теперешние крупные издатели начали свою карьеру с должности железнодорожного клерка? Не обманываем ли мы себя, воображая, что наше общество сегодня более свободно и открыто и предоставляет больше возможностей, чем семьдесят лет назад? Я имею в виду те сферы

¹ Одна восьмая фунта.

человеческой деятельности, в которых я разбираюсь,— не продажу земли, не рекламу, не коммерческое телевидение и не ограбление банков.

Я писал рецензии и критические статьи для журналов «Лондон Меркьюри», «Букмен», «Спектейтор», «Сатердей ревью», «Аутлук», газет «Дейли ньюс», «Дейли кроникл» и еще нескольких периодических изданий, в том числе для двух ежемесячных журналов, американского и шведского, названия которых я забыл. Если не считать большой статьи о Пикоке для «Таймс литерари сапплмент», я всегда держался подале от редакций, публикующих рецензии и критические разборы анонимно. На мой взгляд, рецензиям без подписи нет никакого оправдания. (Кажется, мы еще и сегодня не знаем, кто — Локарт или Крокер — с такой тупой злобой писал в «Куортерли» о сборнике стихов Теннисона 1832 года.) Эта анонимность поощряет любителей грязной работы, которых Филип Гуэдалла называл «тихими убийцами». Случалось, я бывал несправедлив к романистам старшего поколения, таким, как Арнольд Беннет, но я никого не громил по заказу редактора и не охотился за книгами, которые так и просятся в фельетон. Когда я вел раздел книжных новинок и сам выбирал, о чем писать, я старательно обходил молчанием те книги, что мне особенно активно не нравились. Редакторы, отдающие предпочтение зубодробительным рецензиям, потому что они проще пишутся и лучше читаются,— эти редакторы работают не в той газете: им нужно покинуть «литературную» сторону Флит-стрит и перейти на другую сторону. А журналистам, чьи перья полны яда, не стоит изливать его на сравнительно безобидные романы, стихи, сборники эссе; пусть обратят свои взоры на общественную жизнь.

Одна ошибка, существовавшая в журналистике тридцать пять лет назад, не исправлена и до сих пор. Это смехотворно малое место, отводимое рецензиям на произведения художественной литературы. О какой-нибудь шаблонной биографии или скучнейших мемуарах нередко пишут гораздо больше, чем о новом, быть может, гениальном романе. Мы еще не избавились от распространенного в девятнадцатом веке взгляда на сочинение и чтение романов как на пустое и легкомысленное занятие, позволительное разве что для женщин, но ни в коем случае не достойное серьезных мужчин. По сей день мы слышим, как эти мужчины говорят: «Романы? Да я и в руки их не беру! Нет уж, я предпочитаю что-нибудь более основательное». При этом они обычно имеют в виду «Годы в сафари» и «Знаменитых любовниц французских королей».

В то время, как и сегодня, молодому английскому писателю было нелегко взяться за серьезную литературоведческую работу. Мне же,

с двумя маленькими детьми на руках и ворохом счетов из больницы, растущим как снежный ком, не приходилось об этом и думать. Тем не менее я делал наброски для двух книг — «Английский юмор» и «Английские комические персонажи». Впоследствии Ральф Ричардсон и Чарльз Лаутон рассказывали мне, сколько времени они провели в обществе моих «Комических персонажей», и мне трудно было поверить, что эта книжка могла оказать профессиональную помощь таким превосходным актерам. В издательстве «Макмиллан» я получил заказ на две книги в серии «Английские литераторы». (Помню, как одну из них обсуждали в редакции при участии некоего Гарольда Макмиллана.) Книги были посвящены Пикоку и его зятю Джорджу Мередиту. Последний, прежде кумир интеллектуалов, тогда уже вышел из моды, и его либо вовсе не замечали, либо очень недооценивали. (С тех пор ничего не изменилось.)

Стоит вспомнить — хотя бы в назидание молодым писателям, — как я начал работу над книгой о Мередите. Я жил тогда за городом, в Чинноре, но много времени проводил в Лондоне, так как часто ездил в больницу Гая¹ к жене. Однажды под вечер я вернулся домой в таком глубоком отчаянии, что не знал, куда себя девать. Я сходил с ума от горя. Будь я ближе к городу, я мог бы навестить друзей, пойти в пивную или в кино, побродить по улицам, — но я был в Чинноре. Наконец, просто чтобы убить время, я решил что-нибудь написать, все равно что, измарать несколько страниц, а потом, когда мне станет легче, разорвать написанное. На столе у меня лежал набросок плана книги о Мередите. Я выбрал одну из глав, не первую, и медленно, с усилием принялся над ней работать. Через час мне уже писалось легко и свободно. Эта глава — одна из лучших в книге. Я писал до самого утра, забыв о своем горе и подчиняясь только движению мысли и слова.

Замечу — сейчас я обращаюсь к тем из вас, кто решил посвятить себя писательству, — что предмет был далек от моей собственной жизни и я не мог облегчить свои страдания, запечатлев их на бумаге; лишь сосредоточенность, напряжение, сам процесс писания помогли мне избавиться от боли и в то же время сделать что-то стоящее.

Наверное, как я уже намекал, лучше не быть писателем, но если ты должен быть им — тогда *пиши*. Ты чувствуешь вялость, голова раскалывается, никто тебя не любит — *пиши*. Все напрасно, это знаменитое «вдохновение» никогда не придет — *пиши*. Если ты

¹ Основана в 1721 г. книготорговцем Томасом Гаем.

великий гений, ты изобретешь свои правила, но если нет — а есть основания опасаться, что это именно так, — тогда иди к столу, какое бы ни было у тебя настроение, прими холодный вызов бумаги и *пиши*. Рано или поздно муза оценит и вознаградит твою преданность. Но если то, что я говорю, кажется тебе вздором, никогда не пытайся зарабатывать пером на кусок хлеба. Найди себе другое поприще и берись за работу, предварительно убедившись, что она гарантирует хорошую пенсию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Гендель и гангстеры	3
Приключение на Парк-лейн	14
Такси и звезда	25
Мой дебют в опере	35
У меня было время	39

**Джон Бойнтон ПРИСТЛИ
ГЕНДЕЛЬ И ГАНГСТЕРЫ**

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 01.04.83. Подписано к печати
02.06.83. Формат $70 \times 108 \frac{1}{32}$. Бумага газетная.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,89. Тираж 100 000
экз. Изд. № 1358. Зак. № 507. Цена 30 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Во всех книжных магазинах и киосках продаются билеты Всероссийской книжной лотереи.

Вероятность выигрыша достаточно велика: из каждых 200 билетов 69 выигрышных.

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрыша заранее обозначена на внутренней стороне запечатанного билета: 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей.

По выигрышному билету можно приобрести по своему выбору книгу или другие товары из наличного ассортимента книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

Прочитанные книги вы можете продать книжным магазинам. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Желаем удачи!

**Росглавкнига.
Дирекция Всероссийской книжной
лотереи.**